

ВЯЧЕСЛАВ КАЛИКИНСКИЙ

ЛЕГИОНЕР

КНИГА ВТОРАЯ

Легионер

Вячеслав Каликинский

Легионер. Книга вторая

«1С-Публишинг»

2022

Каликинский В. А.

Легионер. Книга вторая / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2022 — (Легионер)

Вячеслав Александрович Каликинский – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Широко известен своей серией книг «Агасфер» – пятью увлекательными шпионскими ретродетективами, посвящёнными работе контрразведки в России конца XIX – начала XX века. Представляем очередной большой труд писателя, одно из лучших его произведений, посвящённое судьбе реальной исторической личности. Карл Ландсберг, блестящий офицер, оступился и стал преступником, но в итоге через искупление и многие лишения принёс немало пользы нашей стране. Есть версия, что именно Ландсберг явился прообразом героя знаменитого романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова, хотя биографии книжного персонажа и его вероятного прототипа, разумеется, сильно различаются. Карл Ландсберг блистал в высшем свете Санкт-Петербурга. Ему прочили стремительную карьеру – вплоть до министерской. Он рухнул с карьерной лестницы, не добравшись и до середины. Сверкающий мир исчез за глухими тюремными стенами. Вслед за вердиктом суда и общества свой приговор вынес Ландсбергу преступный мир – те, кого сегодня называют ворами в законе.

© Каликинский В. А., 2022

© 1С-Публишинг, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Ретроспектива-1	14
Глава вторая	20
Ретроспектива-2	28
Глава третья	35
Ретроспектива-3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вячеслав Каликинский

Легионер

Книга вторая

Через два океана

Пролог

За час до полуночи двойные, окованные железом ворота Псковской пересыльной тюрьмы широко распахнулись. Две шеренги арестантов на обширном плацу ждали последнего слова начальника.

Слово было совсем кратким. Спустившись по лестнице, Ерофеев встал в воротах, снял фуражку и громко крикнул:

– Прощайте, ребята! Бог с вами!..

– Прощевайте и вы, господин начальник! Не поминайте лихом! – вразнобой откликнулись арестанты.

– Ну, двигай! Пшел вперед! – отозвались конвойные от каждой шеренги, и арестанты, брякая кандалами, попарно потянулись за ворота, за которыми гулял холодный порывистый ветер. Несмотря на начало апреля, снега на улицах еще было достаточно.

Первой вышла шеренга уголовных арестантов, за нею – политические. Их точно так же, как и уголовников, сковали попарно, а сквозь звенья общих для каждой пары кандалов просунули длинную цепь.

Между уголовниками и политическими конвойные отвели места для нескольких арестантов благородного происхождения. Их, кроме Ландсберга и Жиликова, в тюрьме оказалось еще трое. Их попарно не сковали и «на прут» не поставили.

Ландсберг шел, бережно поддерживая под руку старого полковника. В другой руке он нес две котомки – свою и его. Жиликов категорически отказался от места в телеге и пожелал идти рядом с товарищем.

Арестантские шеренги вступили на пустой по ночному времени дебаркадер Псковской станции железной дороги за пять минут до полуночи. Экстренный поезд уже ждал своих невольных пассажиров.

Сей поезд состоял из одних вагонов третьего класса, переделанных фабричным образом в арестантские. Переделки, впрочем, были небольшими: стекла из оконных проемов были вынуты и заменены частыми решетками. По зимнему и весеннему времени в таких вагонах всюду гуляли холодные сквозняки, зато начальство было спокойным: невольники-пассажиры не наделают беды со стеклами. Не порежутся сами и не понаделают из осколков опасное оружие.

Первыми в один из вагонов, сняв с общей цепи, завели политических – душ около двадцати. Несмотря на громкие требования не смешивать их с уголовниками, начальник конвоя усадил их на скамейки поплотнее и велел заводить в вагон остальных. Когда все скамейки оказались занятыми, конвойный начальник передал партионному офицеру пакет, козырнул и занялся загрузкой другого вагона.

Наконец кондуктор дал два пронзительных свистка, паровоз в ответ сипло рявкнул и рванул состав. Экстренный поезд номер три-бис сначала медленно, а потом все быстрее покатил на юг.

Этот состав не был обычным. Начальникам железнодорожных станций по пути следования экстренного поезда по телеграфу было дано приказание держать для него открытыми все семафоры. А на узловых станциях, под парами, только и ждали своего часа «впрячась в арестантскую упряжку» самые мощные по тому времени паровозы, все еще называемые паровыми машинами, или просто машинами. Россия спешила поскорее избавиться от беспутных и преступных своих сыновей.

Той весной 1881 года на юг, в сторону Одессы, мчались четыре таких литерных железнодорожных состава с арестантами. Их ждал пароход общества Добровольного Флота, оборудованный для перевозки невольных пассажиров.

– Ну, слава Богу, поехали! – перекрестился старый арестант, до последней минуты боявшийся, что по причине болезни и старческой немощи его могут снять с партии и не допустить до дальней отправки.

Его молодой товарищ промолчал: лично у него не было ровным счетом никаких оснований для оптимизма.

В статейных списках арестантов, следующих экстренным поездом номер три-бис до Одессы и далее морским путем на далекий остров Сахалин, старик значился как разжалованный полковник Жилияков. Его молодой товарищ в арестантской куртке польского образца тоже был из бывших офицеров и некогда гордо рекомендовался фон Ландсбергом. Окружной суд Санкт-Петербурга своим приговором лишил его не только свободы, но и всех прав состояния, и, конечно, титула барона. Ландсберг был осужден на четырнадцать лет каторжных работ, приговор у старика Жилиякова был и вовсе бессрочным.

В отличие от Жилиякова, чье судебное дело в свое время было удостоено лишь нескольких строк в газетной хронике – и тому, конечно, были причины – имя его молодого товарища, бывшего барона фон Ландсберга весной и летом 1879 года многократно прогремело на всю Россию. Не было, наверное, ни одной столичной и даже провинциальной газеты, не публиковавшей судебных отчетов с его процесса. Дело, действительно, получилось громким.

Блестящий гвардейский офицер одного из столичных батальонов под монаршим патроном, жених весьма высокопоставленной особы, состоящей на службе при царском дворе, – оказался уличен в двойном убийстве. Да каком! Свет Северной столицы России был шокирован: Ландсберг убил не просто штатского «штафирку», а своего благодетеля, квартирного хозяина Власова, который не только собирался преподнести своему протеже королевский подарок на свадьбу, но и сделал его единственным наследником состояния. Пусть и небольшого, но разве в этом дело! Заодно была убита и престарелая прислуга Власова – ну, с ней было все понятно: убийца не желал оставлять в живых свидетеля своего преступления.

Несмотря на подробнейшее освещение в газетах самого судебного процесса Ландсберга, многие пикантные для обывателей подробности остались, как говорится, в тени. В частности, не было названо, как ни бились газетчики, имя невесты Ландсберга. Непонятным для многих, в том числе и юридически грамотных людей, остался весьма лояльный приговор, вынесенный широко известным в России юристом – председателем Окружного суда Санкт-Петербурга господином Кони. Александр Федорович, блестящий юрист и правовед, задолго до этого своего процесса снискал себе славу беспристрастного судьи, которого невозможно ни задобрить, ни подкупить. Стало быть, приговор вынесен «по совести». Однако общество недоумевало: почему же этот приговор столь мягок: всего-навсего четырнадцать лет за двойное убийство?! Сам Александр Федорович Кони от комментариев по поводу своего приговора уклонялся – даже в тесной компании близких друзей.

Мало-помалу шум вокруг процесса фон Ландсберга поутих, газеты нашли, как водится, новые источники привлечения читательского внимания. И о дальнейшей судьбе Ландсберга грамотная Россия очень долго ничего не знала. Это имя появилось в газетах лишь спустя тридцать лет...

Пока четыре экстренных литерных состава с арестантами, каждый по своей линии «чугунки», день и ночь мчались по просторам России к Южному порту Одессы, там шли поспешные приготовления к приему пассажиров-невольников.

Глава первая

На причале

Ландсберг еще по дороге на причал приметил эту чугунную тумбу, окинул глазами оцепленное конвоем пространство. Погрузка за день вряд ли закончится, прикинул он. Значит, ждать долго – удобнее места для того, чтобы посидеть с относительным комфортом, прислонившись спиной к этой тумбе, не найти. Ускорив шаги, он обогнал озиравшихся по сторонам арестантов, издала кинул тощую котомку к подножию тумбы и оглянулся, ища глазами Жиликова. Когда их выводили из вагонов, старик замешкался, отстал, а потом конвой не позволил нарушать строй. Ага, вот и он – подслеповато щурясь, семенит по причалу, разыскивая товарища. Ландсберг, привстав, помахал ему обеими руками – но старик явно не заметил жесты куляции и продолжал поиски своего молодого друга.

Ночью рядом с псковским составом на соседний путь встал еще один поезд с арестантами – литерный номер один. Несмотря на вялые окрики расхаживающих между вагонами конвойных, арестанты из двух поездов до утра перекликались, искали знакомых и земляков – по сути, это было единственное развлечение измотанных долгой дорогой людей.

Утром раздали еду – ту же самую вареную говядину. Сменился и конвой, стороживший арестантов снаружи. Новая охрана оказалась местной, воинской, а оттого и более разговорчивой. От солдат арестантам и стало известно, что два прибывших в Одессу состава не единственные и что вот-вот должен подойти еще один «каторжанский» поезд. А то, может, и два.

Потом в тупик на колясках прикатило местное начальство и потребовало к себе партионных офицеров. А вскоре арестантам дали долгожданную команду выходить из опостылевших им за время пути вагонов. Двумя колоннами арестанты и пришли на причал, где впервые увидели серую махину «Нижнего Новгорода». Однако на пароход, вопреки ожиданиям, никого не пустили, а каторжников согнали на огороженную канатами площадку. Здесь арестанты из двух поездов смешались и в ожидании начала погрузки коротали время кто как мог.

Докричавшись-таки Жиликова, Ландсберг усадил того поудобнее и уже хотел было устроиться рядом, как вдруг из серой толпы каторжан вынырнули, бесцеремонно распахивая локтями встречных и поперечных, трое явных иванов. Сапоги с голенищами в гармошку, подвернутые за пояс полы халатов и расшитые воротники косовороток не оставляли сомнений в высоком тюремном ранге троицы.

Котомки всех троих тащил впереди них голый по пояс мужичонка. Он искательно заглядывал в лица своих «господ» и с наглым пренебрежением поглядывал по сторонам, явно чинясь своим статусом приближенного к сильненьким.

Группа явно облюбовала ту же самую тумбу и направлялась к ней. Глот с котомками, вырвавшись вперед иванов, подбежал к Ландсбергу и Жиликову первым.

– А ну, шпана несчастная, брысь отседова! – закричал глот, бросая увесистые мешки прямо на ноги Жиликова. И повернулся к Ландсбергу. – А ты, жердьяй, чего тута...

Закончить он не успел: Ландсберг легко развернул гонца, ухватил его за пояс штанов и резко повернул сжатый кулак. Ветхая материя тут же лопнула. А Ландсберг сдернул глотовы штаны до колен, легонько пихнул того в спину – да так, что тот, запутавшись, шлепнулся на четвереньки в малопотребном виде. Вся пристань, включая конвоиров, грохнула смехом. Смеялись все, кроме иванов. В лице глота, по тюремным обычаям, оскорбление было нанесено и его хозяевам.

Однако иваны не спешили покарать «неразумного» – уж больно тот оказался дерзок. Дерзость же в тюрьме – верный признак силы. И хотя на ивана высокий арестант в аккуратной

куртке польского образца и почему-то с бамбуковой тросточкой в руке был не похож – но кто их, южан, знает?

– Место занято, господа! – вежливо повернулся к иванам Ландсберг и легко швырнул в их сторону все три котомки.

– Кто таков? – процедил один из иванов, обращаясь больше не к Ландсбергу, а к толпе вокруг.

– Барин! Это же Барин! – слышались возгласы.

Про Барина иваны явно слышали. Поэтому когда их прислужник-глот, поддерживая обеими руками разорванные штаны, сунулся к ним с намерением пожаловаться, то получил лишь оплеуху за то, что поставил иванов в неудобное положение.

– Барин, говоришь? Слыхали, как же. В личность не знали.

– Извини, паря, за нашего придурка...

– Ничего, господа, ничего! Будем считать это недоразумением! – так же вежливо ответил Ландсберг и повернулся к иванам спиной.

Те помедлили: тюремный неписанный «кодекс» обязывал интересоваться именами новых знакомцев, поговорить с ними «за жизнь»... Но раз не стал человек знакомиться – Бог с ним. С Бариним лучше не связываться, – такой слушок побыстрее телеграфных депеш уже успел обойти многие российские централы и пересылки. Барин по крови как посуху ходит, передавали. Сел за убийство двух вольных «жмуриков» и потом, в тюрьмах нескольких человек на три аршина под землю не раздумывая определил. Ишь, смотрит как неласково – тронь такого-то...

Подталкивая взашей своего «носильщика», иваны бесцеремонно навьючили на него свои котомки и отошли подальше.

– Хорошо все-таки, мой друг, быть сильным и зубастым! – вздохнул Жилияков, устраиваясь поудобнее. – Право, барон, мне до сих пор стыдно за свое поведение в день нашего знакомства! Вы бесконечно правы: в этой волчьей стае нельзя быть овцой! Да что там овцой – сильным, но миролюбивым псом тоже быть никак не возможно! Ибо миролюбие будет тут же воспринято как очевидная слабость...

– Отдыхайте, полковник! – невесело усмехнулся Ландсберг. – Мне кажется, мы еще не скоро попадем на свой «ковчег»...

Пока арестанты, звеня кандалами и переругиваясь, устраивались на огороженной для них «арене», все свободное пространство причала заполнялось праздными зеваками. Сюда пришли любопытствующие одесские обыватели, корреспонденты местных газет, мелькали мундиры чиновников различных ведомств – среди них попадались и такие, чьи служебные обязанности с отправкой арестантов решительно никак не соприкасались.

На трех тарантасах прибыли дамы из местного благотворительного общества. Тут же, укрывшись под кружевными зонтиками, дамы с помощью слуг извлекли из тарантасов целые кипы душеспасительных брошюр религиозного содержания и стали требовать к себе местное начальство – с тем, чтобы оно дозволило раздать брошюры уезжающим в далекие края арестантам.

– Ничем не могу помочь, сударыни! – отбивался от дамочек старший партионный офицер, вытирая лоб платком. – Решительно ничем! Ну посудите сами, будьте благоразумны! Не могу же я вас без охраны запустить к этим злодеям! Ведь и охрана потребуется немалая – а где я ее вам возьму? А, не дай Бог, случится что? Что у них на уме, у каторжных злыдней? Один черт, извините за грубое слово, знает... Нет, сударыни, не могу-с! Вот погрузят варнаков на пароход, запрут их как следует – и милости прошу со своими брошюрками и словами напутствия!

– Да и то сказать, сударыни, – зряшное, извините, дело затеяли! – попытался поддержать оборону второй офицер. – На что им ваши книжки, ежели из каждой дюжины один – много

двое только и умеют читать! Вот я, сударыни, не первый год арестантов в Сибирь сопровождаю – верьте слову офицера, видел, знаю – что они с книжками, со словом Божиим творят! Хорошо, если на раскурку употребят! Это у которых бумага потоньше. А то и иначе, извиняюсь, употребляют – самым богохульным, намекну я вам, образом...

Солнце меж тем поднималось все выше, становилось жарко. Отвыкшие от тепла арестанты, блаженно щурясь на небо, начали потихоньку раздеваться, разматывать самое немислимое тряпье. Несколько человек, немало не стесняясь устремленных сотен глаз (а может, именно в расчете на зрителей?) прямо на причале справляли естественные нужды, большие и малые.

Публика меж тем все прибывала – и пешком, и в колясках. Казалось, вся Одесса бросила свои дела и пришла насладиться редким, щекочущим нервы зрелищем. Однако смотреть на внешне спокойную серую арестантскую массу скоро прискучило, и публика переключила внимание на корреспондентов и фотографов газет, стоящих в первых рядах, у самых канатов.

Пользуясь вниманием, те с видимой неохотой, заглядывая в блокноты, начали перечислять знаменитых преступников, наверняка пребывающих здесь, за канатами, и рассказывать об их злодеяниях, о которых в разное время писали газеты. Несколько бойких личностей распродавали фотографические портреты известных преступников – их охотно покупали, сожалея о том, что никак не возможно получить от «оригиналов» автографов.

Вскоре публика с корреспондентами во главе изменила тактику «осады». Партионный офицер, втихомолку получив от газетчиков собранную ими мзду, начал по одному выкликать фамилии арестантов, «прославившихся» громкими преступлениями. Их по одному, в окружении трех-четырех солдат подводили к канатам. Затрещали магниевые вспышки фотографов.

Нашлись добровольцы-«гиды» и среди каторжан. Вступив в переговоры с окружающей канаты толпой, «гиды» готовы были за гривенник-другой показать почтеннейшей публике того или иного знаменитого преступника. Дошла очередь и до Ландсберга. Услыхав свое имя, он лишь покрепче зажмурил глаза и сделал вид, что спит. Однако чаша сия его не миновала. Вскоре рядом с ним на корточки присел один из незнакомых глотов.

– Барин, слышь? Там публика желает на тебя поближе поглядеть. Смотри, полтинничек дали! Давай, я им скажу – мало, мол! Поделится! Тебе, чай, деньги тоже надобны? Барин!

– Пшел прочь, животное! – процедил Ландсберг. – Я не обезьяна из зоологического сада, чтобы меня за полтинники показывать, – он приоткрыл один глаз и так свирепо глянул на глота, что тот мигом исчез.

Однако интерес к «тому самому Ландсбергу» не пропал – скорее уж, наоборот. Вскоре к нему приблизился уже не собрат- арестант – конвойный солдат.

– Господин каторжник, вас партионный офицер кличут, – солдат с опаской дотронулся прикладом ружья до сапога Ландсберга. – Подойти к канату велено!

– Пошел к черту со своим партионным офицером. Он мне тут не начальник. Никуда я не подойду. Так и передай: к черту!

Потоптавшись рядом, конвойный ушел. С другим каторжником он бы и церемониться не стал, однако Ландсберг одним своим именем вызывал боязнь и невольное уважение. Партионный офицер, которому солдат добросовестно и не без злорадства передал пожелание строптивого арестанта, лишь побагровел, но сам, опасаясь конфуза, за канаты не пошел.

Ближе к полудню послали за высоким начальством – настолько велико было скопление на причале любопытствующих. К тому же кто-то пустил слух, что каторжане только и ждут, когда народу в порту будет поболее. А тогда по сигналу они разом сомнут хилую цепь конвоя, смешаются с толпой, охваченной паникой, и скроются.

Дополнительную достоверность этому слуху придало самовольное снятие несколькими арестантами кандалов. Один из них дерзко попросил у конвоя дозволения на снятие оных и, естественно, получил отказ. Тогда арестант сел на камни и... снял заранее согнутые ножные

«браслеты», как носки. Толпа так и ахнула, подалась назад – ожидая, как в цирке, дальнейшего развития «головокружительных» событий. Однако ничего не произошло: снявши кандалы, арестант заботливо засунул их в собственный мешок, подложил его под голову и расположился дремать и дальше в самой живописной позе.

Глядя на него, еще трое кандалников, помогая друг другу, несколько раз согнули и разогнули свои «браслеты», отчего заклепки в них полопались и вылетели. Никаких действий к побегу эти арестанты тоже предпринимать не стали – было видно, что сделано это было больше для форсу, «на публику».

– Помилуйте, господа, никаких поводов для беспокойства нет! – громко рассказывал какой-то офицер в мундире тюремного ведомства. – Я разов шесть партии от Владимира до Тобольска водил, знаю! Верите ли – сам давал распоряжение снять кандалы и везти их отдельно, в телеге. Отчего? Ну, с кандалами люди злее. Да и ноги они в дороге «браслетками» портят. Изволь потом задерживать в каком-нибудь городишке весь этап, пока двое – трое лечатся у докторов. А самое главное, господа, что кандалы эти – пострашнее ружья будут. В случае драки или бунта этих цепей больше всего знающие люди опасаются. Так что не волнуйтесь, дамочки и господа. Ну сняли и сняли – непорядок, конечно! Однако опасаться нечего, бунта не будет. При погрузке на судно снова закуют, голубчиков, как положено!

Однако слухи о «надвигающемся бунте» не прекращались, и вскоре на причал прибыл одесский полицмейстер Бунин и сам градоначальник Зеленой в сопровождении капитана Одесского порта Перлишина и двух десятков городских.

Начальство быстро навело порядок: солдаты и городовые оттеснили народ подальше и натянули вторую линию канатов, дополнительно огорожив прилегающее к каторжанам пространство. В этом пространстве остались лишь наиболее уважаемые в городе люди, корреспонденты газет и, конечно же, дамочки из благотворительного общества. Остальных Павел Алексеевич Зеленой, страстный ругатель и любитель крепкого словца, отогнал на почтительное расстояние. Дамочки-благотворительницы, до которых явственно доносились ругательные раскаты и переливы, картинно затыкали уши, возводили очи к небу, но далеко не уходили. И вскоре во главе с супругой полицмейстера Якова Ивановича Бунина окружили Зеленого плотным кольцом кисей, пышных турнюр и зонтиков. Выслушав просьбу дам, Зеленой скрипел, устало махнул перчаткой и кивком подозвал Бунина.

– Яков Иваныч, распорядись ты за ради Бога, щоб показали дамочкам ихнего Ландсберга! Покоя ведь от сорок этих не будет!

Козырнув, Бунин передал распоряжение по инстанции. И по ней же вскоре получил отказ: каторжник Ландсберг категорически отказался подходить к канатам.

– А ежели у градоначальника есть желание познакомиться, так пусть сам подходит! – заявил Ландсберг оторопевшему партионному.

– Дамы, ушки! – привычно проговорил Зеленой и, нимало не заботясь о том, действительно ли дамы заткнули уши, обрушил на полицмейстера целый поток виртуозной ругани. А в заключение осведомился, – Может, этот байстрюк не понял – кто его зовет?! А ну – иди сам, Яков Иваныч!

При виде представительного полицмейстера Ландсберг из вежливости встал, выслушал вторично переданное распоряжение и неожиданно согласился.

– Я понимаю, ваше превосходительство, что господин градоначальник желает потрафить чаяниям толпы. Как ему угодно – я подойду. Только при одном условии...

– Да ты кто таков, чтобы условия ставить?! – завелся было Бунин, однако его дернули за рукав и что-то прошептали. – Г-м... Впрочем... И что же это за условие?

– Чтобы никаких корреспондентов рядом не было. И никаких фотографирований, ваше превосходительство. Распорядитесь – а я через три минуты буду там-с...

Вопреки опасениям Бунина, условия каторжника не вызвали у градоначальника нового гневного «словоизвержения». Скорее, он одобрил скромность осужденного и махнул городовым на корреспондентов: гоните их к чертовой бабушке, за второй канат!

Перед дамочками поставили шеренгу солдат с ружьями. Подошедшего Ландсберга с двух сторон тоже сторожили рослые городовые. На него обрушился град вопросов.

Сколько вам лет? Есть ли у вас семья? Тяжело ли ему в тюрьме? Правда ли, что убийство совершено из ревности к ростовщику, приударившему за вашей невестой? Кто, наконец, сия таинственная невеста?

Ландсберг ответил только на один вопрос – о возрасте: двадцать семь лет от роду. Остальных вопросов он будто бы и не слышал. Терпеливо выстояв несколько минут и, встретившись взглядами с градоначальником, он громко попросил:

– Ваше высокопревосходительство, распорядились бы несколько уборных, извините, для арестантов поставить. Чтобы каторжане, вынуждаемые природой, здешнюю публику не шокировали.

– Дело говоришь! – кивнул Зеленой и повернулся к свите. – А вы, вахлаки, и не догадались? Жива-а, в Бога и душу, в святых мучеников мать! Срам, право слово! А тебе спасибо, братец, за дельный совет. Ступай, храни тебя Бог!

Ландсберг молча поклонился и, не обращая более внимания на сыпавшиеся вопросы дам, направился обратно, к тумбе.

– Ну что, поговорили по душам? – поинтересовался Жиляков. – Не узнали случаем – скоро ли нас грузить будут?

– Эх, господин полковник! К чему вы торопитесь?

– Так ведь надоело, барон! И толпа эта еще...

– Вы бы лучше подумали – куда девать золотые монеты. Думаете, что наградная табличка на тросточке от какого-то псковского тюремщика поможет нам избежать при погрузке тщательнейшего обыска? Найдут-с! И – плакали тогда ваши денежки.

– «Ваши»! Барон, барон! Ну зачем вы так? – обиделся Жиляков. – Мы уже неоднократно с вами обсуждали сей вопрос. И я сумел, кажется, убедить вас, что деньги эти – наши общие. А во-вторых, что я могу придумать? Кроме того, чтобы проглотить эти девять золотых, аки удав... Вы, батенька, у нас голова – вам и думать!

– Проглотить? И немедленно попасть под нож к докторам? – возразил Ландсберг. – Нет, тут нужно придумать что-то другое. Оригинальное. А в голову мне решительно ничего не идет, полковник!

Однако судьба была нынче благосклонна к Ландсбергу. Он давно уже обратил внимание на матроса из караульных, пристально и с каким-то значением поглядывавшего на него издали. Матрос несколько раз подходил совсем близко, как будто хотел что-то сказать или спросить – но всякий раз ему что-то мешало это сделать. Однако вскоре такой случай матросу представился.

По распоряжению градоначальника на ломовике привезли несколько будочек специального назначения – явно реквизированных с ближайших дач. К будкам немедленно выстроились очереди, к одной из них примкнул и Ландсберг. Тут его матрос и окликнул:

– Господин прапорщик, ваше сиятельство! Не узнаете меня, господин Ландсберг?

Тот отрицательно покачал головой – хотя лицо матроса и особенно его голос показались знакомыми.

– Яков Терещенко я, ваше сиятельство! В одном полку со мною вы изволили «вольнопетром» быть! Нешто не помните, господин Ландсберг?

Карл внимательно поглядел на матроса, память услужливо восстановила мелкие ребячьи черты паренька из Малороссии.

– Яков? Узнаю, брат, теперь узнаю! А вот тебе не надо бы с каторжником знаться, – невесело усмехнулся Ландсберг. – Какое я теперь «сиятельство», какой барон! Все, брат, в прошлом...

– Господин прапорщик, зачем вы так? Старая дружба не ржавеет – помните, такая поговорка у нас в полку была?

– Помню, конечно. А как ты в матросы-то попал? Да еще в конвойные? Проштрафился?

– Никак нет, ваше сиятельство! Я ведь, ежели изволите помнить, в гальваническом отряде учился, нас потом засекретили и в Кронштадт перевели. Ну, это история долгая – так что я теперь матрос и специалист 2-го класса, – не без гордости отрапортовал Терещенко. – На одном пароходе поплывем, ваше сиятельство!

– Но почему конвойным-то, если ты классный специалист- гальванщик?

Терещенко звучно шморгнул носом.

– А это начальство так распорядилось. Нашу братву, гальванщиков, во Владивосток переводят, там буду службу продолжать. А чтобы в пути даром хлеб не ели – приставили вот каторжников охранять, будь они неладны! Ох, извините, ваше сиятельство!

– Ничего, брат, я уж привык! – снова усмехнулся Ландсберг. – Ну, давай, брат, служи! И... Прошу, не подходи лишний раз, Яков! И мне душу бередишь, и себе неприятности накликать можешь. Ступай себе.

– Господин прапорщик, как скажете! Спасибо, что не забыли, – Терещенко подвинулся ближе, понизил голос. – Ну а ежели помощь нужна будет – только знак дайте! Я полчища в беде в жизнь не оставлю!

– Спасибо, Яков, не надо... Впрочем, – неожиданно решился Ландсберг. – Помощь твоя может потребоваться! Боюсь вот только – как бы не подвести тебя...

– Ваше сиятельство – не обижайте! Говорите, все исполню! Убегнуть желаете? Скажите как – помогу!

– Да нет, не убежать... Понимаешь, Яков, со мной в каторгу едет еще один офицер, полковник. Деньги у него... у нас с ним имеются – боюсь, отберут при обыске. Возьмешь на сохранение?

– Какой разговор, господин прапорщик! Сохраню, как в банке! Все сделаем! – обрадованный возможностью помочь, Терещенко аж засиял.

– Хорошо. Сегодня до нас очередь, гляжу, не дойдет. Ночевать, полагаю, партию здесь оставят?

– Так точно! Уже получено распоряжение прожектора подвезть.

– Ладно. Как стемнеет – подойди, отдам я тебе узелок.

– А то! А то, ваше сиятельство! Может, мне до вечера, – Яков многозначительно заморгал, оглянулся и страшным шепотом продолжил. – Может пилку какую для вас раздобыть? Только скажите, господин прапорщик! Это ведь срам-то какой – гвардейского офицера, дворянина со всей этой сволочью держать, а? Вас ведь оболгали, поди, ваше сиятельство? В жизнь не поверю!..

– Нет-нет, больше ничего не надо. Яков! Ну, до вечера.

Ретроспектива-1

Эхо взрыва, устроенного Степаном Халтуриным в подвале Зимнего дворца, докатилось до Псковской пересыльной тюрьмы через трое суток. Специально арестантам об этом, разумеется, никто не докладывал – только на утренней молитве иеромонах из местной церкви, приглашаемый в тюрьму по случаю больших праздников и неординарных событий вроде нынешнего, возгласил здравицу царствующему Дому Романовых и скороговоркой упомянул о Чуде Божиим, спасшем государя императора от рук супостатов.

Однако в тюрьме тайны держатся недолго. Заинтересовавшись недоговоркой и не получив разъяснений от тюремщиков, арестанты-уголовники снарядили «делегацию» в камеру, где содержались политические осужденные.

Политические, тоже ждавшие этапа на Сахалин, содержались в пересыльной тюрьме, как и положено, отдельно от уголовников. Однако изоляция эта была весьма прозрачной. По своему обыкновению, политические категорически отказывались от тюремных «уроков» вроде выноса параши, мытья коридоров и прочих надзирательских и кухонных нарядов. Все это делали за них уголовные арестанты из шпанки – тюремной массы, нещадно эксплуатируемой и администрацией, и иванами, и их прихвостнями. Подобное «разделение обязанностей» порой до предела накаляло обстановку в тюрьме, обычным же состоянием отношений между уголовными и политическими был своего рода «вооруженный нейтралитет» и нескрываемое презрение одних другими.

Опасаясь стычек и драк, тюремщики даже время прогулок уголовников и политических «разводили», однако совершенно избежать контактов, понятное дело, было невозможно. Занаряженные уголовные арестанты регулярно выносили из камеры политических «парашу», доставляли им в положенное время баланду. Была у уголовных и политических и возможность общения через окна камер.

Существовал у уголовников и один жгучий предмет зависти к своим привилегированным «соседям». Каким-то непонятным образом эти политические всегда умудрялись очень скоро получать с воли новости о последних событиях, и уголовники частенько, забыв о распрях, просили поделиться с ними горячими, с пылу с жару, слухами. Так вышло и на сей раз.

Майданщик из четвертой, самой большой камеры Псковской пересылки, политикой и событиями на воле интересовался мало. Ему вполне хватало собственных торговых забот в камерах тюрьмы, выколачивания долгов и обеспечения картежников картами, свечами и денежными займами для игры. Худой и жилистый татарин Ахметка, откупивший себе майдан, должен был, по тюремному «уставу», обеспечивать и уборку в камерах. Его-то и подозвал к себе сразу после молитвы один из местных иванов по кличке Филя.

– Слышь, Ахметка, ты отправь-ка сегодня к «политике» за «прасковьей федоровной» кого посмышленей, – приказал Филя. – Пусть разнюхают, что там, в Питере, случилось?

Немногословный Ахметка молча поклонился.

– И с вертухаем уговорись, чтобы не шибко торопил нынче говноносов, – наставлял Филя.

Через полчаса «делегация золотарей» вернулась в уголовную камеру. Сгрудившись вокруг филькиных нар, где ради такого случая даже карточная игра прекратилась, арестанты четвертой камеры жадно внимали гордым от выполненного поручения гонцам.

Те доложили, что исполнили все, что им было приказано: поднимая тяжелую «парашу», чуть наклонили одну из продетых в ручки жердей и расплескали «ароматное» содержимое у порога. Политические подняли было шум, но, увидев усердие «золотарей», готовых навести чистоту, успокоились. И подробно рассказали о последних событиях в царском дворце. Оказывается, что один из политических давно уже по «липовой» протекции поступил плотником

в Зимний. И потихоньку таскал туда динамит, благо охрана дворца обыскивала всяк входящих спустя рукава. Натаскав достаточное количество динамита, подпольщик-революционер зажег огневой шнур, запер дверь и благополучно из Зимнего скрылся.

Однако расчеты бомбистов не оправдались. Во-первых, царь к назначенному времени в столовую опоздал. А, во-вторых, даже если бы и оказался в нужное время в столовой, то вряд ли бы пострадал: толстые стены дворца и расположенное между динамитной закладкой и царской столовой помещение для охраны уменьшили силу взрыва.

– Но «политики» не унывают, – закончил рассказ гонец. – Все одно, говорят, кровопийцу-царя убьем! Не нынче, так завтра.

– Душегубы они и есть самые настоящие, – отреагировал Филька, в обиходе никак в избытке монархизма и верноподданических настроениях не замеченный. – Нас душегубами кличут, в рудниках горбатиться заставляют – а они, вишь, благородные! Их не тронь! Политика ср...ая! Всё у вас?

Как оказалось, не всё. Как удалось узнать гонцам, в камере политических произошла «буза», и на имя начальника тюрьмы поступило прошение с требованием убрать из камеры чуждого их духу «политических ренегата». И что не сегодня-завтра этого «ренегата», скорее всего, переведут в камеру к уголовникам. Скорее всего, что сюда, в четвертый номер.

В скудной событиями тюремной жизни и ловля блох – развлечение. Тут же, узнав о будущем пополнении, арестанты порадовались предстоящему развлечению. Кто предвкушал радостные минуты, когда можно будет без опаски и с полной поддержкой камеры вволю поиздеваться над тем, кто еще вчера «крутил нос» и кичился привилегированным положением политического. Кто откровенно радовался расколу в третьей камере, кто клятвенно утверждал, что вскорости уголовных и политических в тюрьмах перестанут разделять и восстановят, таким образом, «божью справедливость».

Ландсберг, проводивший почти все время за чтением на нарах, занавешенных, наподобие алькова, двумя тряпицами, невольно прислушивался к разговорам. Свое убежище он покидал только на время прогулок да по утрам, когда около часа упорно, до изнеможения занимался физкультурными упражнениями.

Его никто не трогал, и в душу к нему никто тоже не лез. Иваны, наслышанные о скорой и беспощадной расправе Ландсберга с матерыми каторжниками в Литовском тюремном замке, поглядывали в его сторону с почтением и опаской. Барин почти не вмешивался в жизнь камеры, не участвовал ни в картежной игре, ни в частых распрях, неизбежных в каждой тюрьме. Единственное, что могло вывести его из себя – жестокая тюремная «игра» с новичками, забитыми и недалекими, как правило, деревенскими мужичками. В этих случаях он брал слабых под свою защиту и негромко, но веско заявлял об этом.

С Бариним не спорили. И, чтобы не терять авторитета перед шпанкой, иваны, по молчаливому уговору, старались не трогать тех, кто попал или, по их разумению, мог попасть под защиту Барина.

– Гонят-то, слышь, от себя политические офицерики старого! – меж тем рассказывал гонец. – Офицерики-то этот к бомбистам вообще никаким боком, как говорится. Никакой он не революционер, боже упаси! Сынок его под агитацию политики попал, гимназист. Отец-то и не знал ничего поначалу. А тот в кружок какой-то вступил, а когда ему смутьяны голову совсем задурили, то и вовсе из дому ушел. Потом, говорят, у бомбистов с жандармами стычка случилась на Васильевском острове. Пальба началась, ну, парнишка под пули и попал. Дружки потом и обсказали евоным родителям, что убил его какой-то жандармский начальник. Отец тогда взял свой револьвер, пошел и жандарма того пристрелил, за сына своего единственного. Вот и попал к политическим, двадцать пять лет каторги получил. Политические, слышь, его вроде как под свою опеку взяли – как отца героя, погибшего за свободу. А тот им от ворот поворот: я, грит, всегда был верным слугой и опорой царю, и мне с вами, мерзавцами, не по

пути! Мало, грит, что вы на царя-батюшку злоумышляете, так еще и сына единственного с толку сбили, голову ему заморочили своими идеями, под пулю подставили. Ну, офицерику все равно к политическим сунули, поскольку судили по политической статье. Но своим он там все равно не стал. Спорил, шумел, в голодовках ихних участия не принимал.

– Ладно, – важно кивнул головой Филя. – Поглядим, что еще за офицер такой! Какой обществу навар, какая польза от него будет – поглядим!

Общество радостно загоготало, предвкушая новое развлечение.

– Слышь, Филя, мне свояк про этот случай на Васильевском острове рассказывал еще в питерской пересылке, – подал голос один из арестантов. – Пальба-то там аккурат у трактира была, где свояк с дружбанами дельце одно обсасывал. Их тоже тогда в облаву всех замели, революционеров искали. Так вот: сыскари меж собой баили, что парнишку-то не жандарм застрелил, а сами бомбисты! Тот в сваре только ранен был, но бежать-де не мог. И свои же его и пристрелили, чтобы тот никого не выдал! А отцу потом на жандарма показали.

Общество еще какое-то время обсуждало несправедливость властей, делящих арестантов на политических и уголовных. Сыпались примеры. Рассказывали о политических, совершивших те же убийства и обычные ограбления, «скоки», на каторге отчего-то пользуются ощутимыми поблажками. Беспаспортный конокрад Архипов, поминутно крестясь в подтверждение своей правоты, рассказывал, какие богатые посылки получает тот самый офицер, осужденный за убийство жандарма – и из дома, и от товарищей по полку.

– Ну-ну, поглядим, попробуем на зуб барские пряники! – похохатывал Филька.

Загремел замок на дверях, и общество засуетилось, загремело мисками и ложками: настало время обеда.

– Принимайте, братцы, «закуски от Бонифатьева», да пополнение впридачу! – пошутил от дверей надзиратель, вместе с раздатчиком пропуская в камеру худошавого старичка с тощим мешком в руках.

Глоты, не обращая на новичка внимания, первыми ринулись к закопченному котлу, сорвали крышку. Посыпались обычные ругательства в адрес поваров и раздатчиков, снимающих с похлебки из рыбы, мороженой картошки и нескольких пригоршней крупы последний навар. Староста камеры, он же майданщик Ахметка, бесцеремонно пробился к котлу, колотя по рукам, плечам и головам арестантов заготовленным черпаком.

Первыми миски с баландой получали иваны, хоть с места они и не вставали и видимого интереса к похлебке не высказывали. Глоты разнесли им по нарам полные доверху миски, куда Ахметка постарался положить побольше гущи со дна.

Принесли такую миску и Ландсбергу. Поначалу это тюремное чинопочитание вызывало у него прилив отвращения и негодования – тем более сильного, что немые пальцы камерных «официантов» обычно всю «купались» в вареве, и без того малоаппетитном. Однако, по здравому размышлению, Ландсберг с грустью согласился со старой поговоркой: с волками жить – по-волчьи выть. Существовать бок о бок с арестантами, быть, в конце концов, одним из них – и не придерживаться тюремных неписаных правил было бы не только глупо, но и чревато малопредсказуемыми последствиями. Ландсбергом он остался в прежней, дотюремной своей жизни, да еще в «Статейном списке» тюремщиков. Здесь, в камере, жил Барин – человек из высшей тюремной иерархии. Быть вне этой иерархии, вне волчьей стаи, было просто невозможно: или снизу, или сверху. Сверху выжить шансов было несравнимо более. А Ландсберг пока еще не собирался на погост.

Накормив сильненьких, Ахметка налил миску и себе, бросил черпак в котел и с чувством выполненного долга удалился в свой угол. Черпаком тут же завладели глоты – прихвостни высшей тюремной касты. Они тоже зачерпывали из котла от души, сопровождая дележку дикой руганью и богохульствами. После этого черпак и остатки варева перешли в распоряжение шпанки – серой арестантской массы.

Здесь дележка производилась более-менее справедливо. Подсчитав количество оставшихся едоков, помощник старосты взболтал черпаком содержимое котла – чтобы варево было более-менее однородного свойства. Себе, разумеется, помощник налил в первую очередь. Остальным досталось едва ли по половине черпака, после чего котел снова подхватили успевшие проглотить свои порции глоты. Кусками хлеба, по полфунта которого в пересылке выдавали накануне, на весь следующий день, они быстро довели внутреннюю поверхность котла до зеркального блеска. Дверь захлопнулась, лязг замка оповестил о конце обеда.

И только сейчас обитатели камеры № 4 обратили свое внимание на новичка, который так неподвижно и простоял все время обеда у дверей. Несмотря на арестантскую одежду, обезличивающую любого человека, в новичке чувствовались и благородство происхождения, невыбитое пока чувство собственного достоинства, и военная косточка.

Арестанты, наглядевшись на новичка, в конце концов дружно повернулись к Фильке: именно от него как наиболее авторитетного в камере ивана зависела дальнейшая судьба этого человека. Оказавшись в центре внимания, Филька не заставил себя долго ждать.

– Люди, кажись, в доме нашем ктой-то новый объявился, – начал он.

Помолчав, камера вразнойбой загомонила:

– Померещилось тебе, Филя!

– Когда человек в дом заходит, то здороваться должен – а мы и не слышали ничего...

– Да рази ж это человек? Крыса политическая! Ее отсюда выкинули, так она здесь, у людей, втихую поселиться решила...

Поняв, что совершил оплошность, новичок отлепился от стены, сделал два шага вперед и коротко наклонил голову:

– Здравствуйте, господа! Позвольте представиться: отставной полковник Жиляков, направлен в сию камеру для дальнейшего отбывания заключения. Прошу старосту указать мне место на нарах. Хм...

– Смотри-ка, и голосок прорезался! – нарочито удивился Филя. – Эй, староста, ты что – не слышишь?! Тебя кличут – оглох, что ли?

Недовольный Ахметка вышел из своего угла, не торопясь обошел вокруг новичка и, наконец, остановился прямо перед ним.

– Ты чего орешь тут? Пошто людей беспокоишь? Ну, я староста – дальше что? Место тебе надо? Иди под нары, если глупый совсем. Если умный немножко – купи себе место! А то в карты выиграй!

– То есть... Но у меня нет денег! – сохраняя изо всех сил остатки достоинства, ответил старик. – Да и играть в ваши игры я, извините, не умею. И не желаю-с!

– Брезгуют нами! Обчеством брезгуют! – перед стариком, кривляясь возникла фигура глота в причудливом отрепье. – У «политики» не пожилось, так сюды перебрался? Ты что, старик, нас совсем за людей не держишь?

Ландсбергу очень не хотелось вмешиваться в этот конфликт: его отношения с иванами были и так достаточно натянутыми. Его самого терпели – потому что боялись. Он понимал, что нельзя бесконечно дразнить судьбу – или снова придется доказывать свое право силой. Вернее – насилием. Еще точнее – уподобляться скотам в человеческом обличье, которых он так ненавидел, презирал и... тоже боялся. Но перед ним стоял его товарищ, его собрат – офицер. Старший по званию. И вообще старик. Смириться с тем, что произойдет здесь через минуту-другую, Ландсберг просто не мог. Он вздохнул, наклонился, снял с ноги башмак и запустил им в спину кривляющегося перед стариком глота.

Тот взвыл от боли, в бешенстве обернулся – и тут же сник под стальным взглядом Ландсберга.

– Ты чего, чего, Барин? – примирительно забормотал он. – Уж и пошутковать нельзя, что ли?

– Принеси башмак. Дует здесь, – негромко скомандовал Ландсберг.

Глот, оглядываясь на Фильку, нехотя поднял башмак и отнес его Ландсбергу.

– Ты здесь ночуешь? – кивнул тот на второй ярус соседних нар. – Сколько за свое место хочешь?

– Рупь с полтиной – и забирай его со всеми тараканами! – обрадовался глот.

– И полтинника хватит! После отбоя подойдешь – отдам! – Ландсберг не собирался при всех демонстрировать свои «нычки» – так здесь называли тайники. – Оставь старика в покое, понял?

Ландсберг возвысил голос:

– Полковник, прошу! Ваше место будет здесь...

– Премного благодарен, молодой человек, – близоруко щуря глаза, новичок всматривался в лицо Ландсберга, все еще подозревая подвох. – Мы с вами не были знакомы до... э... В общем, в прежней жизни?

– Вряд ли, – усмехнулся Ландсберг.

– Позвольте рекомендоваться: отставной полковник Жиляков. Двадцать пять лет каторги за умышленное убийство, – скривил рот полковник. – Спасибо, что выручили, молодой человек! – он выжидательно посмотрел на собеседника.

– Меня зовут Карл Ландсберг. В прошлой жизни – дворянин и офицер, в нынешней имею кличку Барин и жду этапа на Сахалин, – отрекомендовался Ландсберг.

– Ландсберг? Ландсберг, фон Ландсберг... Позвольте, это не про вас писали все газеты позапрошлым летом? – старик задержал протянутую было для рукопожатия руку. – Ну конечно, это вы! Это были вы... Супруга моя, признаться, очень желала попасть на ваш процесс, да не смогла. Извините, конечно: руки подать не могу-с! Мозжит рука – сил нет!

Старик забросил тощую потомку на нары, с усилием вскарабкался на них сам. Повозился, устраиваясь поудобнее, и снова повернулся к Ландсбергу:

– Деньги за мое место, я постараюсь вернуть вам при первой возможности, – сухо заговорил полковник. – Супруга, знаете ли, скоро должна приехать, мне обещано свидание с ней.

– Не извольте беспокоиться, господин полковник, – горько усмехнулся Ландсберг.

– Нет уж, увольте-с! – сердито забормотал новичок. – В должниках ходить не привык-с! И тем более – одалживаться у... человека, опозорившего честь русского офицера невинной кровью. Простите старика за прямоту, но не могу удержаться!

– Вот как! – не сдержался, в свою очередь, и Ландсберг. – Вот как! Если не ошибаюсь, полковник, вы сюда тоже за убийство попали. За кровь пролитую...

– М-молодой человек, не забывайте! Я полковник русской армии, три войны прошел! И попал сюда, убив негодяя, хладнокровно лишившего меня единственного сына, моего Сереженьки! Это был святой порыв – впрочем, вам, вероятно, этого не понять!

– Разумеется, где уж мне! – Ландсберг, как ни старался, от обиды удержаться не мог. – В таком случае придется раскрыть вам глаза, полковник! Вы тоже подняли руку на невинного человека! Ибо вашего Сереженьку застрелил не жандарм, а его же товарищи-революционеры. Как лошадь раненую пристреливают – вам не приходилось, полковник? Только лошадей раненых добивают из милосердия, чтобы не мучились. А сына вашего пристрелили, чтобы он никого не выдал.

– Откуда... откуда вы знаете? – полковник рывком сел на нарах, впился глазами в лицо собеседника.

Ландсберг пожал плечами и собрался задернуть свой полог, снова отгородиться от ненавистного ему и ненавидящего его мира.

– У меня нет доказательств, полковник. Но поверьте: здешние «там-тамы» редко ошибаются. Если хотите знать правду – наведите справки. Попросите своих друзей на воле, в конце

концов! – Ландсберг отвернулся и снова попытался погрузиться в мир стройных и сумбурных одновременно строк Фридриха Ницше.

Глава вторая

В кают-компани

Общества Добровольного Флота пароход «Нижний Новгород» встретил своего нового капитана, Сергея Ильича Кази, как и подобало, – сдержанно сияя свежей серо-стальной окраской обводов низкого корпуса, до блеска надраенными бронзовыми поручнями, почтительным «поеданием» глазами вахтенного матроса у трапа.

Палуба привычно чуть заметно вибрировала в унисон гулу судовой машины, работавшей на холостом ходу. Углом глаза капитан Кази заметил приближающегося к нему с должной почтительной человека с умными маленькими глазками на широком лице.

– Позволю себе напомнить, господин капитан: старший помощник капитан-лейтенант Стронский! Не имеете каких-либо вопросов относительно судна и команды, господин капитан?

Кази чуть заметно усмехнулся:

– А по имени-отчеству вас как звать, господин старший помощник? Роман Александрович? Очень приятно. Ну-с, давайте сразу посмотрим – что тут и как. Показывайте, Роман Александрович!

Многое о «Нижнем Новгороде» новый его капитан, впрочем, знал и так. Заочно – по рассказам, чертежам и документам. Построено судно – изначально, разумеется, парусное – было на немецких верфях почти тридцать лет назад и долгое время именовалось «Саксонией». С парусами оно попало и в Россию. Качество работы немецких корабелов позволило недавно оснастить бывшую «Саксонию» паровой машиной, однако силу ветра в русском флоте еще долго не сбрасывали со счетов и зачастую использовали параллельно с механическим двигателем. Пароход имел длину 94,2 метра, ширину палубы – 12,2 метра. Кроме машины мощностью 1 600 лошадиных сил, «Нижний Новгород» нес три мачты с парусами, позволявшими при попутном ветре развивать скорость до тринадцати узлов. Трюм парохода был совсем недавно переделан под перевозку арестантов.

Поначалу, узнав о сем новшестве, отправке российских преступников-каторжников на остров Сахалин и в Амурский лиман морским путем, Сергей Ильич немало тому подивился: что за забота о негодях? Шли бы в каторгу, как и раньше, пешим порядком! Долгонько? Так ведь и срок каторги у большинства немал. К тому же, по законам того времени, для арестантов время этапа в срок наказания не засчитывалось.

Если же нужно отправлять арестантов именно на Сахалин, так и это можно было бы решить более практичным путем – пешим ходом, как и прежде, через всю Сибирь, а уж там баржами из устья Амура. И почему, собственно, на Сахалин? Нешто Сибирь малой стала для каторжан? Однако верный своей старой привычке семь раз подумать, прежде чем задавать вопросы, Кази самолично навел кое-какие справки и даже специально посидел денек в Публичной библиотеке Северной столицы.

И большая часть вопросов отпала сама собой.

Стал понятен капитан-лейтенанту и еще один аргумент в пользу «арестантской кругосветки»: обратным ходом, выгрузив на Сахалине арестантов, корабли-«добровольцы» могли основательно оживить торговлю с Китаем и товарооборот с дальневосточным форпостом России, Владивостоком.

Все это Сергей Ильич Кази уяснил. Но сейчас, обходя корабль со старшим помощником, капитан сделал для себя несколько неприятных открытий.

Ну хотя бы проблема сохранности «живого» груза.

Кази был старым морским волком, и будущий маршрут «Нижнего Новгорода» знал не понаслышке. Добрая – а вернее, недобрая часть пути по маршруту Одесса – Стамбул – Порт-Саид – Аден – Коломбо – Сингапур – Нагасаки – Дуэ будет проходить в нелегких даже для профессиональных моряков погодных условиях. Штормов в южных морях будет с избытком – значит, большую часть времени перехода все иллюминаторы и вентиляционные решетки «Нижнего Новгорода» с его низкой осадкой должны быть задраены. А температура в широтах предстоящего плавания столь высока, что арестантский трюм, обитый изнутри железом, поневоле станет для каторжан раскаленным гробом. К тому же и арестантов тут будет немало. Убедить же далеких петербургских министров в разумно-великом числе арестантов на каждый рейс было и вовсе делом маловероятным. Будут считать каторжан по кубатуре трюма, да еще и добавят: не баре, мол! Потеснятся, да доплывут!

Но сколько их доедет живыми? Спрос, опять-таки, будет с него, с капитана...

Тем временем офицеры обошли все судно и поднялись на капитанский мостик. Сергей Ильич в целом был доволен состоянием «Нижнего Новгорода», его готовностью к дальнему плаванию, командой и профессионализмом старшего помощника. С количеством арестантов и окончательной датой выхода в море пока было неясно, и Кази решил раньше времени не волноваться. Оставалась, правда, еще одна проблемка: в четко-молодцеватых пояснениях Стронского и его ответах на все вопросы капитана еле заметно чувствовалась этакая тщательно маскируемая служебная ревность. И Кази решил выяснить все сразу и до конца.

– Роман Александрович, батенька мой, – капитан всем корпусом развернулся к Стронскому, – А скажите-ка мне: отчего это правление Общества вас мною наказало, так сказать? Чины у нас равные, ваш послужной список – вы уж простите, я интересовался – не короче моего, да и на «Нижнем» вы уже давненько – а на капитанскую вакансию меня назначили? Человека со стороны, можно сказать, а? Почему не вас, батенька? Как сами полагаете?

– Полагаю, что это компетенция правления Общества Добровольного Флота, – чуть помедлив, официально ответил Стронский. Но было заметно, что внутреннего напряжения у него поубавилось. – Обсуждать приказания начальства возможным не считаю.

– Разумеется, разумеется, батенька! Наверху всегда виднее, – Кази, вложив в последнее утверждение изрядную долю иронии, на лице сохранил серьезность. – Ну, а все-таки, Роман Александрович? По-товарищески – как полагаете?

– А тут и полагать нечего! – вздохнул Стронский. – Знаю причину своей неуютности, и сам в том виноват: не надо было поучать высокое начальство и писать рапорты о том, как должно организовать перевозку арестантов. Вот и получилось, что мои наблюдения во время первой арестантской «кругосветки» пошли вразрез с указаниями высокого начальства. И, к сожалению, не подтвердили его расчетов, о чем я и имел дерзкую неосторожность напомнить. А кому это понравится?

– Никому, батенька! – с пониманием вздохнул Кази. – Тем более, адмиралам нашим, которые последний раз выходили в море лет сорок назад... М-да... Надеюсь, вы понимаете, что я к своему назначению сюда никоим образом не причастен? И вам дороги не перебежал?

– Разумеется, господин капитан!

– Честно говоря, для меня, еще вчера военного моряка, сие назначение – тоже не подарок. Завершить послужной список капитанством на «арестантском» пароходе – тут, батенька, трижды подумаешь, вставлять ли командование «Нижним Новгородом» в свои будущие мемуары. Обидно-с! Всего-то трех месяцев и не хватало до почетной выслуги лет и отставки! Мог бы и в адмиралтействе это время перекантоваться – а вот поди-ка!

– Хм! «Морской телеграф», господин капитан, донес, меж тем, что не только я честными, но весьма опрометчивыми рапортами грешен, – принимая товарищеский тон разговора, Стронский чуть улыбнулся.

– И это уже разузнали? – подивился Кази. – Впрочем, какие на море секреты... Ладно, Роман Александрович, будем служить далее! Не адмиралам, чай, служим – русскому флоту! – посерьёзнев, Кази тут же поинтересовался: – Что слышно о сроках нашего выхода в море? Я, признаться, просто в недоумении относительно явно затянувшихся сроков погрузки арестантов!

– Осмелюсь доложить – и не только вы, господин капитан! – кашлянул Стронский. – Погрузка явно идет через пень-колоду! Сюда, в Одессу, уже прибыл гражданский начальник острова Сахалин, князь Шаховской, заведывающий заключенными на острове по линии Министерства внутренних дел. Он возвращается на Сахалин из отпуска, и просил дать знать, когда вы прибудете и сочтете «Нижний» готовым к выходу в море. Так что, если позволите, я пошлю вестового к князю в гостиницу?

– Распоряжайтесь, батенька! Конечно!

* * *

Шел четвертый день погрузки арестантов на «Нижний Новгород». Этот крайне неспешный, по мнению капитана Кази, темп вызывал раздражение и у князя Шаховского, который в первые дни пытался успокоить Сергея Ильича. Но ускорить процесс он и сам не мог: ответственность за погрузку, согласно министерской разнарядке, несла тюремная администрация Одессы.

Князь Шаховской в свою каюту на «Нижнем» перебираться не спешил, благоразумно предпочитая проводить большую часть времени на берегу, в гостинице, и лишь время от времени заскакивал на пароход, чтобы без особой надежды поинтересоваться: как идут дела?

– Поймите, Сергей Ильич, – в который уж раз принимался он объяснять капитану. – Это на Сахалине я, как говорится, царь и бог! Брови нахмурил только – и народишко уж бежит как посолёный! А здесь, в Одессе, распорядительными правами обладает господин Закрайский! Да еще молодые эскулапы, привлеченные тюремным ведомством от земской больницы... Руки бы им поотрывал, ей-богу! За порядок же на дебаркадере отвечает штабс-капитан Особой конвойной службы Теньков – а это и вовсе по линии Жандармского управления. Сами видите – экая каша получается, Сергей Ильич!

– Не знаю, не знаю, батенька! – раздраженно шагнул из угла в угол кают-компания капитан. – Простите, князь, но мне все же кажется, что, будь вы здесь неотлучно, погрузка шла бы куда быстрее. Иногда я чувствую себя словно в некоем казенном присутствии, где мздоимцы-чиновники просто выжимают из просителей подношения! Но там бы я, Бог уж с ними, дал бы – а здесь кому?! И предлагать, извините, страшно!

Капитан остановился у большого иллюминатора и несколько минут смотрел в него. Потом обернулся к присутствующим:

– Кстати о мундирах! Господа, полюбуйтесь на тех двух субъектов в статском и в котелках. Они здесь по причалу все время шныряют. Кто они? По какому ведомству? У них, меж тем, чрезвычайно многозначительный вид...

Князь с болезненным видом допил рюмку рома, выбрался из кресла и подошел к капитану. Старший помощник капитана Стронский, помедлив, присоединился к ним. Однако ни он, ни князь Шаховской, ни пароходный доктор Александр Симеонович Иванов, заскочивший в кают-компанию за какой-то надобностью, ведомственную принадлежность субъектов так и не определили.

Всерьез заинтересовавшись этой парочкой, капитан кликнул вахтенного мичмана Владимира Пуаре, слегка обалдевшего за последние дни от всего происходящего на пароходе. Но и мичман не внес ясности в личности «негодяев». Однако, поразмыслив, высказал здравое предположение о том, что они, видимо, хорошо известны чинам местного тюремного ведомства. И

уж конечно, жандармскому начальству, без дозволения которого за оцепленную часть причала, где стояли и сидели в ожидании своей очереди каторжные, никого посторонних не пускали.

– Господин мичман! Владимир – э... Архипович, если не ошибаюсь? Не ошибся? Чудесно! Владимир Архипович, батенька мой, сходите-ка в разведку, – капитан взял Пуаре за пуговицу на кителе. – Узнайте поаккуратнее – кто они? Чем черт не шутит: сдается мне, что от них может кое-что зависеть. Разузнайте, батенька! И если что – тащите их сюда, голубчик! Уж очень физиономии у них значительные – как, по-вашему, князь?

Шаховской от неожиданности поперхнулся очередной рюмкой рома и согласился с капитаном.

* * *

«Субъекты» в статском оказались представителями еще одного ведомства – чинами Сыскной полиции, чьи предписания внушительно, но туманно говорили об обеспечении «порядка и взаимодействия во время погрузки арестантов на судно». Пуаре передал сыскным чинам любезное приглашение капитан-лейтенанта проследовать в кают-компанию, на чашку чая.

Чины будто бы ждали этого приглашения. Они дружно затопали по трапу, были введены в кают-компанию и представлены присутствующим.

– Господа, вот вы у нас – «порядок и взаимодействие», – ознакомившись с их бумагами, сходу принялся рассуждать капитан. – Может, хоть вы нас вразумите – что, собственно, происходит? Мне, батеньки мои, трудно судить, но, ей-богу, можно ведь, наверное, как-то ускорить приемку-погрузку? Посоветуйте, господа! Четвертый день ведь канитель сия – и конца ей не видать! Господи, да что же это я! – спохватился Кази, перехватив словно бы нечаянный взгляд гостей на накрытый стол. – Не угодно ли закусить? Да и освежиться, а? Денек-то сегодня, кажется, прохладный. И мы уж с вами! Ваше сиятельство, господа – прошу!

Особо чиниться пришедшие господа не стали. После третьей чарки, уничтожив на столе изрядную часть рыбных деликатесов и холодной дичи, гости разговорились. Порядку могло быть больше, признались они. Отчего медленно дело движется? А по двум причинам, господа флотские! Обыскивают арестантов с должным тщанием – но медленно. И доктора земские, призванные для выявления больных и немощных, очень уж неопытны для каторжанских хитростей и «мастырок».

Более всего ошеломило господ флотских откровенное заявление «гостей» о том, что местному тюремному начальству с погрузкой спешить вовсе нет нужды! Ведомство, как уверяли сыскные, за каждый божий день пребывания большого этапа в Одессе получает на каторжных от казны кормовые деньги. Прибыло же их сюда по «чугунке» пять сотен душ, вот ведомство и получает на эти пять сотен арестантов кормовые все время, пока пароход от причала не отойдет.

– Но позвольте! – возмутился Сергей Ильич Кази. – Главное тюремное управление обязано кормить только оставшихся на берегу арестантов! Те, кого уже пропустили на борт, находятся на довольствии Общества Добровольного Флота, которое по итогам рейса предъявит счет тому же министерству...

Гости враз понимающе ухмыльнулись: предъявляйте счета кому хотите, господа флотские! Нам это без разницы! Вы просили причины раскрыть – вот мы вам, за ваше уважение, и раскрываем!

– Да-да, простите, господа! – взялся за виски Кази. – Ну и что же нам делать в такой ситуации? Посоветуйте!

Для значительного ускорения погрузки нужна самая малость, пояснили сыскные. До сей поры каторжников обыскивают четверо надзирателей – а вы добейтесь от местного начальства

еще одной пары! Ведь сейчас что делается? Арестантов заводят попарно, а обыскивают по одному. Не придерешься: двое надзирателей стоят столбами, присматривают за обыскиваемым и ожидающим. А двое работают – и то не шибко скоро, потому как наверняка негласное указание получили. Вы на Сахалин поплывете, а кормовые-то здесь останутся, верно?

– Я сейчас же отправляюсь к губернатору! – взорвался князь Шаховской. – Пусть изволят дать распоряжение начальнику местной тюрьмы, пусть сносится с Петербургом, наконец! И с кормовыми разобраться надо, черт возьми!

Гости вежливо посмеялись, и, осмелев, уже без приглашения снова потянулись за графинчиками. Налили, выпили, закусили. Воля ваша, господа флотские, да только такой способ действия дела не ускорит. Лишь суетолюку внесет, сумятицу и неразбериху. Делать дело нужно иначе – не угодно ли их совет послушать?

– Да-да, господа, продолжайте, прошу вас! А вы, ваше сиятельство, погодите, – со значением попросил Шаховского капитан.

Гости продолжили. По их разумению, решить вопрос с дополнительной парой надзирателей мог бы и лично начальник местной тюрьмы. С соответствующими... э-э... полномочиями они могли бы взять решение этого вопроса на себя. На себя же они могут взять и приватные переговоры непосредственно с надзирателями – для усиления их рвения, так сказать. Не пожалеете, господа флотские, по двугривенному за каждого осмотренного и пропущенного арестанта – нешто это для казны Добровольного флота накладно? И пыль столбом стоять будет!

– Как хотите, а я не могу в этом участвовать, господа! – вновь взвился Шаховской. – Не забывайте, что я представляю здесь Главное тюремное управление Министерства внутренних дел! И вынужден сейчас сидеть тут и слушать ваши р-р-рассуждения о необходимости мздоимства!

– Господин начальник Сахалина! – подал голос Стронский. – Вы, по-моему, неоднократно заявляли, что очень спешите вернуться на остров! Вам угодно дать сему делу официальный ход, ваше сиятельство? Воля ваша. Но пароход, осмелюсь напомнить, принадлежит Обществу Добровольного Флота, вашему ведомству неподчиненному. Полагаю, господин капитан, – он повернулся к Кази, – полагаю, что в сложившейся ситуации нам следует без промедления потушить котлы в машине и не жечь понапрасну уголь, оплаченный Обществом. Когда вы, ваше сиятельство, решите – здесь или в Санкт-Петербурге, не знаю! – свой вопрос – дайте нам знать! Если правление примет во внимание ваши объяснения, мы вновь разожжем огонь в котлах, проведя, разумеется, положенную предварительную ревизию всей судовой машины. Это дней двадцать, не меньше, ваше сиятельство. К тому времени в Индийском океане, полагаю, наступит сезон штормов, и плавание до его окончания может быть сочтено нецелесообразным. К тому же на время выяснения всех ваших вопросов, я уверен, Общество Добровольного Флота попросит тюремное начальство освободить трюм от каторжан. Куда вы их изволите девать? Снова по тюрьмам развозить? За чей счет, позвольте спросить? Словом, подумайте, ваше сиятельство!

– Да я, в общем-то... Собственно... Срам ведь, господа! – забормотал Шаховской, выразительно глядя на бутылку рома, но не решаясь под взглядами всех присутствующих налить себе очередную рюмку. – Ну допустим... Но кто же, интересно, будет платить за все это дополнительное усердие? Из каких средств двугривенными, как предлагается, сорить?

– Я думаю, что сей вопрос решаемый! – поддержал старшего помощника капитан. – Есть, в конце концов, корабельная касса. Есть, наконец, и у меня, как у капитана, некоторая сумма на непредвиденные путевые расходы. Что-нибудь придумаем, господа! В конце концов три сотни арестантов уже на борту!

Сыскные, деликатно молчавшие во время перепалки, снова привлекли к себе внимание. Не забудьте еще про докторов, господа флотские, напомнили они. Как вы изволите видеть, ныне привлеченные медики в тюремном деле новички, арестантов боятся, работают медленно,

да и хитростей каторжанских не знают. Вот они, к примеру, могли бы порекомендовать очень знающего, опытного доктора. И, главное, надежного: он чуть не полвека в местной тюрьме практиковал. Сейчас в отставке, правда. Но жить-то всем надо, и если его попросить как следует, то согласится доктор Старкович, никуда не денется! Особенно если одесский губернатор его лично попросит.

– Вот и чудесно! – обрадовался Кази. – Князь, мне и самому все эти игры не по душе, но ведь надо что-то делать! Соболаговолите взять на себя доктора, а мы берем на себя все остальное! Согласны, батенька? Ну тогда езжайте к губернатору, ваше сиятельство, используйте все свои полномочия, обаяние и красноречие, а мы тут с господами «порядок и взаимодействие» обеспечим. Согласны? Ну и слава Богу!.. Действуем, господа!

Действия были настолько успешными, что уже через день князь Шаховской перебрался на пароход со всем своим весьма объемистым багажом и двумя десятками ящиков, спущенными в грузовой трюм. Оставались последние формальности и мелкие дела, знакомые, наверное, каждому отъезжающему и не портившие общей атмосферы.

Старенький, но весьма подвижный отставной тюремный доктор Старкович превосходно справился со своей задачей. Среди отстраненных молодыми коллегами от морского «путешествия» на каторгу арестантов он легко выявил с десяток симулянтов, а позже, за стаканом грога в кают-компании, рассказал всем желающим немало занимательных историй о каторжных «мастырках». Накануне отхода Исаак Старкович, по личной просьбе капитана, обещал «скоренько, но внимательно» осмотреть уже размещенных в трюмах арестантов – чтобы постараться выявить тех, кто может на самом деле не выдержать тяжелых условий морских странствий.

И сейчас присутствующие в кают-компании как раз поджидали старенького доктора, коротая время за грогом. Собрались здесь все свободные от вахты офицеры, включая капитана, а также князь Шаховской, корабельный священник дьякон Ионафан и начальник канцелярии Одесской городской тюрьмы надворный советник Салье. Вспоминали вчерашний рассказ доктора Старковича об арестантских хитростях, членовредительстве – настоящем и «замастыренном». Дивились диким и непостижимым порой фантазиям и умениям, порожденным тюрьмой.

– Право, господа, все это порой превосходит человеческое воображение! – гудел басом второй помощник капитана «Нижнего Новгорода» фон Кригер. – Ну наглотаться всякой дряни, чтобы симулировать болезнь сердца или желудка – это я еще понимаю! Но засыпать себе в глаза наструганный стержень от химического карандаша для временной слепоты – увольте-с! Как можно сотворить с собой этакое, будучи темным человеком, не зная законов физики, химии и прочих наук? Не ведая возможных последствий? Впрочем – каких наук, если и грамоте почти никто из этого тюремного сброда не обучен?! Невежество, темнота – а все туда же-с! А вдруг эта временная слепота так и останется?!

– А специально вживляемые в разрезах на собственном теле нитки? Бр-р! А иголка, которую вчера доктор извлек из коленного сустава какого-то разбойника? – поддержал капитан. – Земские-то доктора единогласно признали у него раздробление и начало гангрены!

– А вдувание воздуха соломинкой под кожу? Бр-р, увольте-с! Поглядишь на разбойника – не жилец. А ему, каналье, после осмотра для «лечения» только и надо, что кожу проткнуть той же иголкой! – продолжал Кригер. Он повернулся к князю. – И вам, ваше сиятельство, по своей должности на острове тоже, вероятно, приходится с этаким фарисейством соприкасаться?

– Только понаслышке, – сухо ответил Шаховской, все еще не оправившийся после недавнего публичного конфуза. – Я ведь, смею напомнить, гражданский начальник острова. И хотя заведываю ссыльно-каторжными, но лично с ними, слава Богу, почти не общаюсь.

– А я все больше переживаю, князь, о том, насколько переполнены арестантские трюмы, – угрюмо заметил капитан. – Почти пять сотен душ! Мне страшно представить, что будет твориться в арестантских трюмах в тех широтах, где нам предстоит пройти!

– А я все более не доверяю этому местному эскулапу, столь легко втершемуся к вам в доверие, Сергей Ильич! – сердито парировал князь. – Право, можно подумать, что он получает гонорар за каждого негодяя с легкой простудой или пустяковым недугом, им же и выдуманым. Этот ваш Исаак – или как его там? – уже отстранил от плавания более тридцати человек! Мне предстоят по этому поводу неприятнейшие объяснения, уверяю! Не удивлюсь, если он и сегодня найдет среди арестантов сотню-другую тех, кому также не рекомендованы морские прогулки!

– Ну-у, батенька...

– Простите, Сергей Ильич! Но при всем уважении к вам я не потерплю, чтобы этот одесский иудей списал на берег дополнительных каторжных! Нет, я не буду препятствовать выходу «Нижнего» в море – но приложу все свои усилия и влияние к тому, чтобы организовать всем отстраненным им арестантам подробнейшую и тщательнейшую медицинскую комиссию. И – горе ему, ежели кто-то из больных, выявленных им, на самом деле окажется здоровым.

– Вы забыли добавить, князь – горе ему и его покровителям! – подал из угла спокойный голос старший помощник Стронский. – Не так ли, ваше сиятельство?

– Господин капитан-лейтенант! Ваш характер уже сам по себе достаточно навредил вашей карьере до сих пор! Не пора ли вам сделать вполне очевидные выводы?..

– Ну, хватит! Хватит ссориться, господа! – возвысил голос капитан Кази. – Наше плавание еще не началось, а вы тут у меня еще дуэли, поди, устроить собрались? Прошу – хватит!

В кают-компании воцарилось неловкое молчание.

Любопытно, подумал меж тем Сергей Ильич Кази. Любопытно: а ведь этот князь что-то знает о причинах, мешающих карьере моего помощника! Надо подождать более благоприятного момента и попробовать расспросить Шаховского о том, почему я, а не капитан-лейтенант Стронский командует «Нижним Новгородом». Не исключено, что наш «тюремный князь» приложил к этому свои светлейшие ручки...

В кают-компании появился доктор Старкович.

– А вы знаете, господа, какую прелюбопытную личность я только что видел в арестантском трюме? – с порога начал доктор, уверенно пробираясь к буфетчику, разливающему горячий грог. – Ландсберг, господа! Помните? В прошлом году о нем писали все газеты!

– Как же! Это который зарезал своего благодетеля, сделавшего его своим наследником и собравшегося подарить на свадьбу погашенные векселя?

– А где он, доктор? Посмотреть бы...

– Невероятно – герой Плевны и в то же время банальный, простите, убийца!..

– Надеюсь, доктор, этот тип не принадлежит к числу тех, кому может повредить плавание? – холодно осведомился Шаховской. – И вообще: вы бы лучше потрудились сперва отчитаться о выполнении данного вам поручения, а потом уж и сплетничайте здесь!

– Не любите евреев, ваше сиятельство? И не даете себе труда скрывать сие, да-да... У нас в Одессе говорят, что громче всех не любит евреев тот, кто чувствует себя глупее их, – спокойно ответил доктор, усаживаясь со своим грогом в угол. – Не надо сверкать на меня глазами, ваше сиятельство! Даже князь Шаховской ничего не сделает старому еврею, который дожил до почетной отставки! Я не боюсь вас, князь! А что касается существа моего поручения, то оно дано господином капитаном этого корабля. И отчет будет предоставлен именно ему – нравится это кому-либо или нет.

– Расскажите, доктор! – кивнул головой капитан, одновременно бросая на князя предостерегающий взгляд.

– У меня, конечно, было немного времени для осмотра всех каторжных, господин капитан. Но мои коллеги, кажется, потрудились на совесть. Я не выявил более больных, неспособных перенести трудное морское путешествие. Некоторые сомнения вызвали у меня двое каторжных, явных уроженцев Кавказа. У них не совсем в порядке легкие – но они совсем

не говорят по-русски, а в таких случаях без подробного анамнеза верный диагноз поставить весьма затруднительно. Я сделал все, что мог: указал на них своему коллеге, корабельному доктору, и рекомендовал присматривать за ними. Что же касается Ландсберга, ваше сиятельство, – старый доктор с неопределенной улыбкой посмотрел на князя. – Что же касается Ландсберга, то он, как мне кажется, переживет многих из присутствующих здесь. На редкость здоровый организм, совершенно не обессиленный годичным пребыванием в тюрьмах. Сам он говорит, что это следствие его системы гимнастических упражнений.

– Намерил себе две жизни, по всей вероятности, – фыркнул Шаховской. – Ничего, на Сахалине он очень быстро позабудет о своих гимнастических упражнениях! На нашем благодатном острове с каторжанами разговор короткий! Прощтрафилс – добро пожаловать на «кобылу»!

– Кобылу? – удивленно переспросил Кази. – Это в каком же смысле?

– «Кобылой» арестанты называют особую скамью, на коей порют провинившихся, – пояснил Шаховской, наливая себе очередную рюмочку. – К сожалению, плетью нынче не в почете, всякие там почитатели гуманизма считают ее варварским орудием. Так что нынче порем розгами-с... И не надо делать такого удивленного лица, господин капитан! На флоте, если мне не изменяет память, телесные наказания тоже пока не отменены!

Ретроспектива-2

Хотя Жилияков и Ландсберг попали на судно в предпоследний день загрузки, свободных мест на трюмных шконках было еще предостаточно. Да и старый знакомец Ландсберга, матрос Терещенко, успел вовремя шепнуть, какие места в трюме предпочтительны для долгого плавания. Именно поэтому друзья выбрали себе местечки подальше от решетки, отделяющий отсек от караульного коридора, и поближе к жерлам парусиновых вентиляционных рукавов. Единственное, с чем не согласился старик – это забираться на второй ярус нар, где, как уверял Терещенко, воздух почище.

Жизнь на плавучей тюрьме не слишком отличалась от обычного камерного бытия. Арестанты расселялись по отсеку сообразно своим симпатиям, наклонностям и тюремной иерархии. Кое-где шконки уже были завешаны тряпьем, и оттуда уже доносились шлепки карт по доскам и азартные выкрики игроков. Каторжные из крестьян сидели тесными кучками, опасно поглядывая на снующих по отсеку глотов: те уже начали традиционную охоту на последние медяки мужиков «от сохи».

К вечеру об отходе судна еще ничего не было известно. Не внес ясности в этот вопрос и некий чин из Одесской тюремной администрации, спустившийся в трюм с толстой пачкой бумаги и несколькими бутылками чернил. От бумаги не отказывался никто – даже неграмотные и те, кому писать было некому. Первые, по тюремному обыкновению, рассчитывали продать бумагу нуждающимся, либо выменять ее на что-нибудь. Особое оживление появление бумаги и предстоящее писание писем и заказов на продукты вызвало у глотов.

Обед поразил: арестантам подали не обычное жидкое тюремное варево, а настоящий флотский борщ – густой, обильно заправленный капустой, свеклой и прочими овощами. В тому же в каждую миску матрос-раздатчик шлепнул изрядный кус вареной говядины. На завтрак была обещана гречневая каша с настоящим коровьим маслом.

– Этак-то и жить можно! – судачили арестанты-новички.

Опытные каторжане, которым довелось побывать на самой дальней российской каторге, подняли оптимистов на смех:

– На Сакалине этом, дядя, ты гнилому куску рыбы в баланде рад будешь! Мясо – на острове тока солонина – тоже с душком, порядочные люди и есть такую не станут...

На следующий день невольные пассажиры, поднявшиеся на борт последними, принесли в трюм весть о том, что вместе с ними на корабле поплывет судовой священник – разумеется, православный. Перед отправкой будет отслужен молебен – однако наверх арестантов навряд ли выпустят.

Новый день тоже обещал быть длинным и скучным, однако ближе к полудню неожиданно общее внимание привлекли крики наверху. Матросы, взобравшись на снасти, вразнобой кричали «Ура!» Арестанты кинулись к иллюминаторам, и только тут поняли, что пароход как-то незаметно отошел от причала, серая замшелая его стенка отодвинулась.

– Буксир нас от причала оттаскивает, – пояснил караульный. – Сей момент и машину запускать будут на полные обороты.

Словно в ответ на его слова, еле слышный доселе гул машины под палубой резко усилился. Железный настил под ногами арестантов мелко завибрировало – словно что-то живое и большое внизу проснулось и начало тяжело ворочаться.

– Все, братцы, поплыли! Прощай, Расеюшка! – закричал кто-то.

Кто-то из арестантов заплакал в голос, в другом углу дрожащими голосами затянули старую каторжанскую песню, православные невольники усердно молились, мусульмане тоже творили свою заунывную молитву.

– Все, поплыли! – нарочито бодрым голосом окликнул старого своего товарища Ландсберг. – Теперь до самой Турции, полагаю, ничего интересного не будет. Одни только волны... Извольте отдыхать, господин полковник!

Жиляков послушно улегся на доски, сложил руки на груди и прикрыл набрякшие веки. Ландсберг поправил котомку под головой старика, поджал губы и вздохнул: полковник, настояв на своей отправке на Сахалин, явно переоценил свои силы. Карл живо припомнил первое появление старика в камере, его уверенные движения, покачал головой: небо и земля!

Ландсберг отошел к иллюминатору и бездумно загляделся на мелкие серые волны, шуршащие по борту корабля. Его мысли невольно вернулись в Псковскую пересыльную тюрьму, где он провел последние несколько месяцев.

* * *

Жизнь в тюремной камере подобна капризной и непостоянной морской стихии. Серый мертвый штиль – повседневная скучная обыденность с практически круглосуточной карточной игрой. За игрой и в коротких перерывах обсуждались последние «громкие» события в камере. При отсутствии оных арестанты без усталости «травили» старые каторжные байки, напропалую врали друг другу. Во все времена тюрьма более всего ценила рассказчиков, «баюнов» – тех, кто мог своим бойким подвешенным языком хоть как-то развлечь, оторвать от мрачной обыденности, сиюминутной горечи карточных проигрышей и мрачных перспектив. О своей реальной прошлой жизни в камерах говорят неохотно: для одних это было чем-то святым, для других очень личным, для третьих – недостойным признаком проявления слабости.

Не обходится в тюремных камерах и без жестоких штормов – когда кипят страсти, томит неизвестность. Случается, и кровь льется...

Обычным развлечением в тюремной камере становились вспыхивающие то и дело стычки и драки, жестокий розыгрыш новичков и вечных, «записных» простофиль. В этих играх участвовала порой практически вся камера – жертва, активные участники розыгрышей и довольные развлечением зрители.

Тюремный штиль обычно взрывался штормом внезапно. Как правило, у истоков «непогоды» всегда стояли иваны. И вот нынче в тюремной камере номер четыре царила предгрозовая тишина.

Лежа в своем «алькове» с затрепанной книжкой старого журнала в руках, Карл Ландсберг физически ощущал нарастающее вокруг него напряжение. Всему виной было его недавнее вмешательство в действо, которое начало было разворачиваться в камере вокруг новичка – отставного армейского полковника, переведенного в номер четвертый из камеры для политических.

Как ни старался Ландсберг, он не мог забыть обидной реакции полковника на его заступничество, его явное нежелание подать руку своему спасителю. Старый офицер просто не знал, что его ждало – не вмешайся в это дело он, Ландсберг, – рассуждал Карл. Не знал – и только поэтому позволил себе проявить совершенно лишний в его положении гонор.

Обычное начало обработки новичков в камере Ландсбергу было хорошо знакомо. Новичка втягивали в карточную игру, а при его отказе играть в долг или на вещи – загоняли под нары, в грязные зловонные ниши, где человек терял и остатки здоровья, и уважение к себе. «Поднарный» становился вечным «золотарем» камеры – вынос «параши» становился его постоянной обязанностью. Всяк мог оскорбить, обругать забитого «поднарного», в любую минуту загнать несчастного в его берлогу, вполне резонно мотивируя это смрадом, неминуемо исходящим от постоянного пребывания человека на мокром и грязном полу.

Из общего котла такому несчастному доставались совсем крохи – считалось удачей, если ему позволялось вытереть коркой хлеба опустевшую после раздачи посудину. Изгой слабел,

его рассудок мутился от постоянного чувства голода и издевательств. Ради пайки хлеба или миски малосъедобной баланды несчастный был порой готов на любое унижение. «Поднарников» заставляли бегать на четвереньках, кричать петухом, мяукать, лаять. Молоденьких и смазливых арестантов, случалось, делали «бабами» – едва ли не самое ужасное в тюрьме. Это превращало некогда человеческое существо в тупое, грязное и всеми презираемое животное.

Часто новички легкомысленно соглашались на карточную игру – в расчете на свой «фарт», умение играть. Но игра была лишь временной отсрочкой от изгнания под нары. Против новичка играла вся камера: в его карты заглядывали, передавая сопернику-«мастаку» информацию условными знаками. Подсовывали партнеру, часто не таясь, требуемые карты из другой колоды.

Для начала, конечно, новичку давали выиграть. Тогда глоты звали майданщика, чтобы он по камерной традиции поднес «счастливчику» чашечку дрянной водки, кружок колбасы, кусочек вареного мяса. Денег за угощение майданщик брать нарочно не спешил, и всячески подыгрывал «мастакам» в этом фарсе.

Ну а финал игры был общеизвестен. Новичок, разгоряченный «фарт» и водкой, вскоре проигрывал решительно все, включая казенную одежду. И тут же попадал в лапы майданщика, требующего немедленного возврата долга. В счет долга несчастный, как правило, должен был отдавать наперед и всю свою хлебную пайку. И – под нары...

Бездумно глядя уже с десятков минут на одну и ту же страницу, Ландсберг грустно размышлял о том, что глупцов на свете было бы гораздо меньше – если бы у людей была чудесная возможность хоть на мгновение заглядывать в свое будущее. Соразмерять, таким образом, верность того или иного своего слова, решения или поступка с его последствиями.

Полковник был излишне строптивым и не по тюремному чину гордым. За три дня, что он оставался без баланды, он уже изрядно оголодал и вполне созрел для какого-нибудь безумства. Всякий раз, как в камеру приносили завтрак или обед, Жиликов со своей миской пытался добраться до котла – и всякий раз безрезультатно. Арестанты, руководствуясь законом стаи, бесцеремонно отпихивали старика, и к тому моменту, когда тот оказывался возле котла, тот бывал уже до блеска вычищен.

От голода полковника пока спасала хлебная пайка: они доставлялись в камеру по счету, и внаглую лишить старика его законной доли пока никто не решался. Но и это было вопросом времени! Старый полковник, демонстративно не замечая Ландсберга и сторонясь его, вызывал в камере удивленное перешептывание: такое, по здешним обычаям, было и вовсе «не людски». Ландсберг же, тоже по тюремным неписаным правилам, мог изрядно поступиться своим завоеванным авторитетом и независимостью, если бы вторично взял под защиту человека, демонстрирующего явную неблагодарность к своему заступнику.

А еще беспокоило Ландсберга то, что в камере недавно завелось изрядное количество опасного оружия – не менее десятка железнодорожных «костылей», коими рельсы приколачивались к шпалам. За две недели до появления в камере номер четыре Жиликова железнодорожные чиновники после сильнейшего бурана «одолжили» у начальника тюрьмы пятьдесят арестантских душ, кои вместе с немногочисленной местной воинской командой расчищали колею. И хотя эти души были тщательно отобраны по своей смирности, не украсть присмотренных в будке обходчика «костылей» они никак не могли. И теперь днем и ночью в камере стали привычными шоркающие звуки металла, затачиваемого о камни до зеркального кинжального блеска.

Большая часть этих опасных «заточек» попала, разумеется, к иванам и их ближайшему окружению. Случись у Ландсберга новый конфликт с «головкой» камеры – и «заточки» вполне могут пойти в ход!

Поразмыслив над ситуацией, Ландсберг решил первым пойти к врагу с «оливковой ветвью». Выбрав момент, когда Филька, пресытившись игрой в карты, потребовал к себе извест-

ного камерного рассказчика – развлечься перед сном – Ландсберг покинул свой «альков» и решительно направился к нарам ивана. «Баюна» при этом пришлось бесцеремонно спихнуть с нар – иной способ привлечения к себе внимания был бы матерым арестантом просто не понят!

– Разговор к тебе имею, уважаемый! – Ландсберг выразительно поглядел на сидевших и лежавших вокруг своего вожака его приспешников. – Серьезный разговор!

Филька, придя в себя от изумления – сам Барин, «волчара-одиночка», соизволил по всем правилам, уважительно, попросить филькиной «аудиенции» – кивнул, и, немного подумав, сказал: «п-сс-т!». Свора послушно ссыпалась с окружающих нар и, стораю от любопытства, разбрелась по камере. Глот, попытавшийся из любопытства затаиться на верхних нарах и даже начавший для убедительности похрапывать с закрытыми глазами, был немедленно сброшен оттуда и пинками препровожден подальше.

Оставшись наедине с Филькой, Ландсберг, согласно «тюремного протокола», разговор начинать не спешил. Он достал коробку папирос, угостил Фильку, закурил сам и несколько минут мужчины молча дымили, коротко поглядывая куда угодно – только не друг на друга.

– Слышь, Филя, а ведь нас действительно скоро на Сахалин этот проклятый погонят! – так в приличном обществе, заполняя паузу в разговоре, начинают обсуждать погоду. – Ты бывал в тех краях-то?

– Доводилось, – небрежно сплюнул Филя. – Пешедралом тока, морем – в первый раз. А что, Барин, никак ты сахалинского «курорта» опасаясь? Али так, из интересу спрашиваешь?

– Опасаться мне нечего. Сам знаешь, человек я серьезный. Далеко уж больно – вот что душу грызет...

– Ха! Далеко! Я два раза на Сахалине ентом побывал, ногами Расею четыре раза, выходит, измерил. И ничего! Ноги целые... Ты чего хотел-то?

– Слыхал я, «заточку» добыть сможешь. Нужна мне такая вещица. Сговоримся?

– «Заточку»? У меня, Барин, все есть! И «заточку» из костыля железнодорожного могу добыть! – усмехнулся Филя. – Дорого только та «заточка» стоит! Не продается. Изволь – в карты на кон могу поставить, ежели дельным чем-нибудь ответишь.

– Филя, ты же знаешь: в карты я не играю. Зарок дал, понял?

– Ну а тады и говорить не о чем! – отрезал Филя.

– Деловым людям завсегда о чем поговорить найдется! – не отступал Ландсберг. – Смотри-ка, чего покажу!

Он оторвал четыре пуговицы с тюремной куртки польского образца, пошитой на заказ еще в Литовском замке. Содрал обтягивающую пуговицы ткань и высыпал на ладонь фальшивые заклепки для кандалов. Сделанные хорошим кузнецом, заклепки представляли собой, по сути, два замаскированных винта с гайками. Замкни такими кандалы – и никто их от настоящих железных клепок не отличит, даже вблизи. А снять, раскрутить – минутное дело.

Ландсберг знал: в тюремном мире такие фальшивые заклепки ценятся высоко. Да и сам он в свое время отдал кузнецу за эту «безделицу» немало. Не мог не оценить возможность такого приобретения и Филька, дважды прошедший этапом из России через всю Сибирь. Мало того, что тяжелые «браслеты» сковывали движения. На морозе запястья и щиколотки от холодного металла чернели, покрывались плохо заживающими язвами. Немногим лучше было в кандалах и в жаркое время – кожа под ними постоянно была мокрой, малейшая царапина превращалась в гнойную язву. Матерчатые или кожаные подкандалники, которыми тюремное начальство с недавнего времени стало снабжать арестантов, помогали тут мало. Но и это были еще не все беды!

По существующим правилам, пеший этап на каждой длительной остановке расковывали, а перед выходом в дорогу арестанты снова попадали в руки кузнецам. Каждая перековка грозила арестанту серьезным увечьем, ибо заклепки на браслетах сбивали сильными ударами

тяжелого молотка по зубилу. И при следующей заковке тяжелый молот ударял по заковке буквально рядышком от рук и ног. Достаточно было дрогнуть руке кузнеца или дернуться самому – и...

Чтобы избежать мучений и возможных увечий, некоторые арестанты делали заклепки их хлебного мякиша, вымазанного в саже. Однако такая хитрость обычно раскрывалась при сильном встряхивании кандалов. И следовало наказание. Иные арестанты сговаривались с кузнецами, отдавали им последние гроши – и те ставили им заклепки из свинца либо олова. Снять их, затесавшись в середину шеренги, было, конечно, легче, чем железные – но без «мандолины»-пилки и это было невозможно.

Способность быстро избавиться от кандалов была ценима и при частых конфликтах, неизбежно возникающих на длинных этапах. Быстро сняв браслет с одной руки и намотав конец цепи на другую, арестант обзаводился смертоносным оружием. Тюремный конвой знал об этом. И довольно часто предусмотрительно поголовно расковывал всю партию арестантов. И тогда от Урала до самой Кары арестантские кандалы ехали отдельно от арестантов где-нибудь в тележном ящике, под замком.

Замаскированное соединение кандалных браслетов решало, таким образом, многие проблемы! При расковке арестантской партии, раскрутив винты пальцами, можно было легко перейти из одной половины походной кузни в другую, к уже раскованным. И наоборот.

Словом, обмен, предложенный Ландсбергом, сулил Фильке немалый барыш. Особенно с учетом того, что, расставшись с собственной «заточкой», он без труда добыл бы новую, отобрав ее у одного из прихвостней или выиграв в карты.

Правда, тут существовало одна «деликатность», старинный обычай. Это было «варнацкое слово», тюремный эквивалент мирному договору между воюющими сторонами. Подобная сделка в тюрьме, по ее законам, делала обменщиков если не побратимами в полном смысле слова, то служила некоей гарантией безопасности в случае возможных конфликтов. Обменщики становились своего рода союзниками. И Ландсберг, слышавший про этот неписанный тюремный закон, сильно на него рассчитывал, надеясь, что на время предстоящего этапа ему не придется опасаться нападения с тыла. Ради безопасности не жалко и лишней пары фальшивых заклепок, заказанных тогда в Литовском замке на всякий случай.

Как и ожидалось, Филька весьма заинтересовался предложенным обменом. Поломавшись для порядка, он вынул из рукава натертый до зеркального блеска заточенный тяжелый костыль и передал его Ландсбергу. Полученные заклепки-винты он заботливо замотал в тряпицу и тут же, на манер ладанки, повесил себе на шею.

Обычай требовал с Фильки, явно выигравшего от обмена, выставления угощения, что должно было по тем же тюремным законам закрепить «варнацкую сделку». Ландсберг, как ни противно ему было якшаться с Филькой, заранее решил не отказываться: с него не убудет, а польза от такого «братания» грядет несомненная!

Кликнутый Филькой майданщик Ахметка все понял с полуслова. Через минуту на чистой тряпице, разложенной между Филькой и его новым «побратимом», уже красовались несколько яиц, сваренных вкрутую, нарезанное ниткой сало, колбаса сомнительного вида и запаха, пара луковиц. И, конечно же, «сороковка» и чашка, из которой побратимы должны были выпить по очереди.

С отвращением проглотив скверную водку, Ландсберг ограничил себя в закуске вареным яйцом, справедливо рассудив, что уж там-то собачатины или конины точно нету.

– Вот правильный ты вроде, Барин! – расчувствовался Филька после второй чашки. – Чудной только. Ну охфицер бывший, ну из благородных – мы ж понимаем! Не ровня! Но на кой ты все время показываешь обществу, что выше его? Обижается ведь общество!

Общество, провожая горящими глазами каждый кусок колбасы, проглоченный Филькой, одобрительно и дружно сглотнуло слюни: действительно, нехорошо!

– Вот и со «старым прыщом» не дал поиграться! – припомнил Филька. – А он, вместо благодарности, как тебя отбрил, а? Руки не подал! И потом: скушно же здесь, сам знаешь! Ты вот, Барин, и грамоту знаешь, и читать-писать умеешь – а все равно скучно, рази нет?

– Скучно, – согласился Ландсберг. – Да что теперь поделаешь: суд не спрашивал у меня, когда пятнадцать лет «поскучать» назначил!

Вокруг грохнул смех. Переждав его, Ландсберг уже без улыбки попросил:

– Филька, додача мне за наш варнацкий обмен полагается вроде. Сделаешь?

– Ну, коли лишку не запросишь, отчего же, – насторожился Филька.

– Дай полковнику спокойно до этапа дожить! Не трогай его! – понизил голос Карл Ландсберг. – Он ведь для тюрьмы неприспособленный, и так долго не протянет. Зачем грех лишний на душу брать? У него, сам знаешь, сына убили, – пусть хоть спокойно доживет, а?

– Да кто ж его трогает, крота старого? – удивился Филька. – И так, из уважения к тебе, в покое его общество оставило! Вот только, гляжу, он-то тебя не шибко благодарит за то, что вступился за него. Рыло воротит... Чудной ты, все-таки, Барин!

– На моего отца он похож, – слукавил Ландсберг. – Третий день без каши и баланды остается, все наши оглоеды сжирают! Давай по-хорошему разочтемся, а, Филька?

– Будь по-твоему, Барин! – вздохнул Филька. Как ни туп был иван, а сообразил, что Барин затеял весь разговор не без умысла, с расчетом заступиться за старика-офицера. Мог бы и силу свою показать, на своем иначе настоять – а тут сообразил, по-доброму, по-варнацки вопрос решил.

Ладно, решил про себя Филька. Доплывем-дотопаем до Сахалина – там посмотрим. Пусть каторга сама тебя рассудит – каков ты, Барин, есть. Глядишь, и убиенных тобой горемык вспомнит. А ему, Фильке, что? Человек уважение выказал – и слава те, Господи! За старика ничемненького заступился – да провались он вместе с ним! Что он, Филька, другой забавы в камере не найдет? Хлопнул Филька еще одну чашечку водки, кинул следом в заросшую щетиной пасть кусок сала, важно кивнул и повторил:

– Будь по-твоему, Барин! – и повернулся к своре, сгреб и швырнул в алчные физиономии остатки закуски. – Ну, вы, оглоеды! Старика больше не забижать! Увижу, кто его от котла отпихнет – самолично мордой в парашу воткну! «Политику» не уважаете, оглоеды – хоть старость уважьте. Слышал мое слово, Барин?

Ландсберг кивнул, поднялся и пошел к своим нарам. По дороге, примерившись, с ладони швырнул блеснувший, как молния костыль в толстенную деревянную перекладину. «Костыль» грохотом воткнулся в дерево едва ли не на треть. Двое глотов, спеша услужить Барину, кинулись вытаскивать костыль, едва не повисли на нем – тот сидел в дереве мертво.

Ландсберг подошел, отодвинул пытящих глотов, крикнул – и одним движением вырвал «заточку» из набухшей сыростью древесины.

– Силен, Барин! – восхищенно загомонили вокруг. – А в крысу ту попасть смогёшь?

Серая наглая крыса неторопливо, не обращая внимания на людей, тащила жирный хвост вдоль стены под окошком.

Ландсберг, чуть прищурившись, примерился было кинуть «костыль»: ударила все-таки в голову чашка скверной водки! Но, подумав, все же отказался.

– «Заточку» жалко, об камни затупится. Вот шапку, кому не жалко, к той же перекладине приколю. Ну, кто смелый?

Ближний глот, жалея свою шапку, сорвал картуз с какого-то «поднарного» мужичка, подкинул к потолку. Снова свистнула в воздухе «заточка», поймала шапку и пригвоздила к перекладине рядом с прежней дыркой. Матерясь, хозяин шапки под хохот камеры кинулся спасать свое добро, но «заточку» выдернуть так и не сумел. Под хохот камеры выдрал картуз с изрядной дырой через тупой конец «костыля».

Полковник Жиликов с нар холодно поглядел на Ландсберга:

– Развлекаетесь, м-молодой человек? Ну-ну...

Ничего не ответив, Ландсберг рывком выдернул костыль и нырнул к себе за одеяла, в «альков», благословляя Всевышнего за то, что старый полковник был не только подслеповат, но и глуховат. Хорошо, что не услышал старик и «джентльменского договора» насчет себя...

Зато на следующее утро Ландсберг имел удовольствие видеть, как Филька и его окружение выполняют условия договора.

Старик, изрядно оголодавший за последние дни, несмотря на изрядную глухоту, услышал звяканье утреннего котла с кашей едва ли не первый в камере. Едва дверь из тюремного коридора открылась, как он решительно сполз со своей верхотуры и направился к месту раздачи завтрака.

«Вовремя меня сподобило договориться с Филькой, – отметил про себя Ландсберг, наблюдая за событиями из своего "алькова". – Старик, конечно, поспешает, но где ему успеть за молодыми! Сейчас бы полковник наверняка попытался силой добиться справедливости! И что б из этого вышло?»

Между тем раздача утренней каши началась было своим чередом. Майданщик Ахметка традиционно наполнил сперва миски иванов, свою миску, однако расставаться с черпаком не спешил. Арестанты сначала притихли, потом зашумели, и несколько грязных рук глотов уже нетерпеливо потянулись к черпаку. Однако майданщик, мельком глянув на Фильку и усмотрев его благосклонный кивок, неожиданно для всех заорал на арестантов:

– А ну – подай назад, голытьба! Чего прете? В очередь становись!

– Каку-таку очередь? – взвыли «глоты», стараясь отпихнуть друг друга от котла. – Ты, Ахметка, набрал себе хлебово – и иди себе. Мы сами очередь установим, нашенскую!

– Это ты тут пасть ширше всех разеваешь, шакал? – рассердился Ахметка и без размаху, чтобы не получить замечания надзирателя, ткнул увесистым черпаком прямо в лицо самого настырного глота. – А ну, осади назад, говорю! – и снова поднял черпак, готовясь повторить экзекуцию.

Арестанты недоуменно притихли. Надзиратель, прислонившись к косяку и играя ключами, посмеивался над неожиданной «спектаклей».

Ахметка же, дирижируя черпаком, быстренько отогнал от котла обычных наглецов и подозвал к себе полковника.

– Ходи сюда, аскер. Ты самый старый в камере, тебе и уважение! Давай сюда свою миску!

Он шлепнул в полковничью миску изрядный ком каши и грозно посмотрел на остальных.

– Старость уважать надо, шакалы! Забыли? Впредь старый аскер будет после меня к котлу подходить!

Ничего не понимающий полковник, готовившийся к тому, чтобы взять свою порцию с «боем», растерянно стоял с миской в руках.

– Может, тебе, аскер, хлеба еще дать? – предупредительно осведомился Ахметка, передавая, наконец, черпак глотам.

– Нет, спасибо, уважаемый! У меня немного осталось, – еще больше растерялся полковник, направляясь с кашей к своим нарам.

Глава третья

Последняя попытка Судейкина

Вьюжным вечером 2 февраля 1880 года плюющийся дымом и искрами паровоз подтащил к дебаркадеру Псковской станции железной дороги короткий состав литерного поезда из Санкт-Петербурга. Встречающих было немного, и почти половину их составляла группа жандармских офицеров. Когда состав, лязгнув, встал, жандармы застучали сапогами к первому вагону. Точно подгадав к их подходу, кондуктор откинул заиндевевшую подножку и почти-тельнейше откозырял спрыгнувшему из вагона единственному пассажиру с легким саквояжем в руке.

Короткое приветствие – и вся группа, подгоняемая морозом, поспешила к казенной карете, в которую ради столичного гостя была запряжена лучшая тройка реквизированных на время пожарных лошадей.

Столичным гостем был полковник Георгий Порфирьевич Судейкин, прибывший в Псков с обширными и весьма туманно сформулированными полномочиями. Полковник не отказался от ужина, предложенного ему местным начальником жандармского управления.

Ужинали у него на квартире. Впрочем, старания супруги жандармского начальника и его кухарки пропали почти что даром. Гость позволил себе две больших рюмки перцовой, рассеянно отломил и обглодал гусиное крылышко и тут же предложил доложить обстановку.

Мужчины гуськом перешли в кабинет, расселись, закурили предложенные хозяином довольно скверные сигары, после чего Судейкин вопросительно уставился на местного начальника. Тот откашлялся и начал докладывать.

– Как я уже докладывал, господин полковник, этап каторжников намечается отправить поездом в Одессу не позднее 15–17 марта, откуда морем он отправится в место назначения, на Сахалин. Ввиду того, что Главное тюремное управление придает колонизации сего острова большое значение, неделю назад главный смотритель Псковской пересыльной тюрьмы получил из Петербурга шифрованную телеграмму с приказанием отобрать для этого этапа 40–45 осужденных арестантов, крепких физически, способных перенести длительное морское путешествие и немалые тяготы по освоению новых, практически не обжитых мест. О чем я и докладывал своевременно...

– Милейший! – бесцеремонно перебил хозяина Судейкин. – Милейший, прошу без всей этой вступительной лирики! Я не был бы здесь, если бы не знал всего этого! Как вы предполагаете осуществить э... побег нужного нам арестанта?

– Прошу прощения, господин полковник! В свете поставленной передо мной задачи наиболее целесообразно, на мой взгляд, произвести подмену означенного арестанта после медицинского освидетельствования и направления одного в городскую лечебницу. Освидетельствование начнется уже завтра. В первую очередь доктором будут осмотрены арестанты, заявившие о своих болезнях. Означенный арестант еще вчера получил адресованную ему записку, в которой ему предложено еще до врачебного осмотра заявить тюремному начальству о своей хвори. Доктор Малышев, заранее мною предупрежденный и ознакомленный с фотопортретом означенного арестанта, подтвердит его болезнь и необходимость помещения одного в городскую лечебницу...

– Постойте-ка! А этот доктор – как его? Да, Малышев – не начнет болтать на всех углах о щекотливом поручении?

– Это исключено, господин полковник! Ранее доктор был замешан в неприятности, грозившие ему не только лишением медицинской практики, но и судебным преследованием. Он уже оказывал вверенному мне жандармскому управлению некоторые услуги щепетильного

свойства, и никоим образом не заинтересован в предании их гласности. Проверка показала лояльность Малышева, а также полную готовность к оказанию любых требуемых от него услуг.

– Понятно. Но из разумной предосторожности я бы рекомендовал после проведения первого этапа операции отправить этого доктора куда-нибудь подальше. С ревизией в глухой уезд, что ли...

– Слушаюсь! Будет исполнено! Разрешите продолжить?

– Давайте. Тьфу, ну и сигары у вас, милейший! Веником пахнут, дрянью какой-то...

– Извините, но здесь, в провинции...

– Ладно, знаю! Итак?

– По существующим правилам, больные и слабосильные арестанты будут выделены в особую команду и отправлены в больницу. Пешим порядком, под конвоем – ходячие. И в тюремных возках – совсем хворые и немощные. Доктору Малышеву мной даны указания производить осмотр арестантов весьма критически и, по возможности, не увеличивать число пациентов больницы числом свыше 4–5 человек. Это даст возможность поместить всех больных в специально выделенную больничную палату с крепкими решетками на окнах и ограничить надзор над ними больничными сторожами, без привлечения тюремного персонала.

– Что ж, разумно, разумно. А как вы предлагаете произвести подмену?

– Местная пересыльная тюрьма располагает всего двумя возками для перевозки арестантов. Один из них, ввиду поломки, мною же и организованной, сегодня был отправлен для починки в каретный сарай местной пожарной части, где доверенными людьми и была произведена совершенно незаметная реконструкция внутренней части возка.

– Насколько незаметная? – перебил Судейкин. – Милейший, больше внимания мелочам! Именно мелочи губят порой сложные многоходовые операции!

– Не извольте беспокоиться, господин полковник! Изнутри тюремный возок, как известно, разделен надвое глухой продольной стенкой. И арестанты, помещенные каждый в свою половину, не имеют возможности видеть друг друга. Наш арестант будет помещен в правую половину возка, а левая перед самой отправкой будет признана непригодной для другого арестанта ввиду поломки дверного запора с означенной стороны. Таким образом, наш арестант будет отправлен в больницу один. Якобы один – ибо в «непригодной» для перевозки половине будет заранее укрыт его подменщик. В пути следования наш арестант и его подменщик поместятся местами через специально сделанный и тщательно замаскированный лаз. И в больницу будет препровожден, таким образом, подменщик. «Пустой» же возок снова отправится в пожарную часть для починки. Там все следы «реконструкции» будут уничтожены, и возок вернется в прежнее свое состояние. Кучер, разумеется, тоже мой доверенный человек. Приняты меры к тому, чтобы в каретном сарае пожарной части в тот час никого не было – кроме ожидающих нашего беглеца саней с быстрыми лошадьми. На железнодорожной станции под парами будет ждать паровоз с зафрахтованным для вас и нашего беглеца вагоном.

– Что ж... Толково, милейший! Пока я не вижу в этом плане никаких изъянов. Ну, а что с подменщиком? Кто он вообще таков?

– Подмена нашего арестанта, должен признаться, была самой трудной частью этой операции, господин полковник. Во-первых, за столь короткое время нам не удалось найти человека, который по приметам статейного списка был бы похож на нашего арестанта. Чтобы подмена сразу не раскрылась, доктор Малышев согласился объявить привезенного арестанта заразным – что позволит держать его отдельно от прочих. Однако, поскольку вы настаиваете на удалении Малышева из города, существует вероятность того, что другой доктор из больницы может раскрыть обман. У нас есть только два пути сохранения тайны подмены: организация его немедленного побега из больницы, что достаточно сложно и потребует дополнительных усилий и времени, либо...

– Да, милейший! Именно – «либо»! – Судейкин раскрыл свой саквояж и осторожно вынул из него аптекарскую склянку с буроватым порошком на дне. Надписи либо сигнатуры на склянке не было. – Это снадобье, как меня заверили, легко растворяется в любой жидкости. Его тут достаточно для того, чтобы отправить на тот свет двух-трех человек. Ваша задача: как только Малышев исчезнет из города, организовать добавку этого снадобья в пищу подменного лица. И добиться того, чтобы «эпидемиологически опасный» труп был как можно быстрее захоронен. Желательно – без освидетельствования со стороны тюремной администрации. Вы меня поняли? Да что я говорю – вы ни в коем случае не должны допустить подобного освидетельствования!

– Так точно, понял!

– Для всех Ландсберг должен считаться внезапно умершим в больнице и захороненным где-нибудь за оградой кладбища. Еще рюмку коньяка! – неожиданно потребовал Судейкин.

Заметив, что руки у его провинциального коллеги мелко дрожат, а на лбу выступила испарина, гость прикрикнул:

– Не будьте бабой, милейший! Вы давали присягу! В случае точного выполнения плана вас ждет награда и перевод в столицу. Чего вы кукуетесь? Я не знаю, да и не желаю знать личности этого самого подменщика, но почему-то убежден, что это никак не почетный гражданин вашего города! Какой-нибудь никчемный бродяжка, не стоящий переживаний! Я прав?

– Так точно, беспаспортный бродяга, которому за выполнение его роли мною обещан чистый паспорт.

– Плюньте на него и на свои обещания, милейший! Этот чистый паспорт можете положить в гроб своему протезе, ежели желаете. И тем самым, хоть и формально, выполнить свое обещание. Выше голову, штабс-капитан!

Полковник успокаивал и ободрял хозяина, как мог, еще минут десять. Наконец, почувствовав, что тот успокоился, Судейкин мягко порекомендовал:

– И вот еще что, милейший. Не исключая, что некоторое время спустя ваш город может посетить генерал Путилин, начальник Сыскной полиции Санкт-Петербурга. Особенно ежели до него дойдут известия о внезапной кончине столь известного арестанта. Думаю, что Путилин вполне может поинтересоваться этой самой могилкой лже-Ландсберга. И, возможно, даже прикажет ее раскопать и произвести эксгумацию. Так вот: примите, милейший, все меры к тому, чтобы он этой могилки не нашел! И не убедился, что под именем Ландсберга там захоронен совсем другой человек. Это в ваших же интересах, полагаю! Ну-с, на сегодня, пожалуй, у нас все! Устал, господа! Сыщется у вас в Пскове приличная гостиница? Нет-нет, милейший, остаться у вас я никак не могу – извините! Прощайте, милейший! Завтра к вечеру я жду вас с подробным докладом об успешном завершении операции.

* * *

Судейкин оказался прав в одном: даже самые великие и дерзкие замыслы может погубить или свести на нет одна-единственная досадная или мелкая неожиданность. Напрасно начальник местного жандармского управления всю ночь хлестал коньяк, глядя на зловещую склянку с ядом, оставленную столичным гостем, напрасно готовил себя к роли некоего провинциального Цезаря Борджиа...

Судейкин же отлично выспался, заказал в ресторане при гостинице «Европа», где остановился вчера, обильный завтрак и вышел в ожидании одного прогуляться. Крепкий морозец бодрил, а встречные местные барышни застенчиво краснели, поглядывая на господина, одетого по последней столичной моде. Поэтому и возвращаться в гостиницу полковник Судейкин не спешил, полагая, что для интересующих его новостей время далеко не настало.

Оказывается, настало!

В вестибюле гостиницы Судейкин был встречен хозяином заведения, который только сегодня, похоже, узнал – кто его вчерашний гость.

– Вас ожидают, ваше сиятельство! – испуганно шепнул он румяному от прогулки Судейкину – полагая, что никем, кроме сиятельства, его гость, которого с виноватым видом дожидался сам начальник губернского жандармского управления, быть не может. – В номере-с...

В номере полковник и узнал, что великолепно разработанный план подмены Ландсберга с целью его дальнейшего использования в столице находится под угрозой срыва.

Оказалось, что доктор Малышев, явившийся в положенный час для осмотра больных в местную пересыльную тюрьму, не нашел в списке больных фамилии Ландсберга. Растерявшийся доктор наскоро осмотрел арестантов, заявивших о своих хворях, объявил их всех симулянтами и побегал к жандармскому начальству за дальнейшими инструкциями. Начальник тоже был изрядно ошеломлен: его накануне уверили, что этот самый Ландсберг является наиболее заинтересованным в побеге лицом.

Еще какое-то время понадобилось на то, чтобы разыскать и под благовидным предлогом вызвать со службы караульного, который должен был передать Ландсбергу записку. Однако тот перед образами поклялся, что передал записку – причем именно Ландсбергу по кличке Барин, которого хорошо знала вся Псковская пересыльная тюрьма.

Надобно было идти с покаянной головой к столичному начальству. Ничего хорошего для себя псковский жандарм от этого визита не ждал, ибо начальство всегда имеет обыкновение делать виноватыми во всем подчиненных. На всякий случай в гостиницу был захвачен и доктор Малышев.

Однако, против ожидания, Судейкин не орал, не бегал по номеру, не топал ногами и никого ни в чем не обвинял. Не снимая шубы, он сел на диван и надолго задумался, пощипывая подковообразные усы. Единственной внятной фразой было высказанное столичным гостем сожаление о том, что «рано было выводить из игры Захаренко»...

Наконец, полковник вздохнул, скинул шубу и, даже не предложив топтавшимся у дверей жандармам и доктору сесть, принялся за свой завтрак. Прожевывая первый кусок, он спокойно-будничным тоном произнес:

– Господа, мне необходимо самому поговорить с Ландсбергом. Инкогнито, разумеется. Для этого нужно продолжить организованное медицинское освидетельствование. Вы же осмотрели пока только тех, кто заявил о своих болезнях, доктор? Вот и отлично! Я думаю, что на это время мне лучше всего превратиться в помощника доктора. Вы можете это устроить? Прекрасно. Однако есть еще одно «но»: медицинскому осмотру придется подвергнуть всех арестантов, а их слишком много. У меня нет никакого желания проторчать в вашей вонючей тюрьме весь день. Как можно устроить так, чтобы Ландсберг, без всяких подозрений тюремного начальства, оказался хотя бы в первой десятке освидетельствуемых?

К великому облегчению местного жандарма, проблема оказалась легко решаемой. У Судейкина остался только один вопрос – теперь уже к доктору, хорошо знакомому с процедурой освидетельствования арестантов: будет ли у полковника возможность поговорить с Ландсбергом с глазу на глаз, не возбудив подозрений тюремной администрации?

– Н-не знаю, господин полковник! – в раздумье покачал головой Малышев. – Как правило, при освидетельствовании присутствует писарь со статейными списками арестантов и два-три вооруженных надзирателя – для обеспечения безопасности... Ежели вы не хотите раскрывать свое инкогнито перед тюремной администрацией, то я просто теряюсь...

– «Теряетесь!», – фыркнул Судейкин. – Во-первых, вы представите меня доктором-психиатром, чье заключение важно в вопросе отбора колонистов для Сахалина! Ширму там, в смотровом помещении, можно поставить? Прекрасно! Вы, доктор, хлопбысите перед визитом коньяку – чтобы дух от вас был соответствующий. И говорить с арестантами будете громче обычного. У вас будет хорошее настроение – понимаете? – поэтому вы захватите с собой

и дадите полистать надзирателям французский или немецкий альбом со срамными фотографиями. Это будет превосходным фактором отвлечения. Пока конвойные с писарями будут пускать над фотокарточками слюни, я шепотом за ширмой сделаю то, за чем и явился. Все понятно?

– Но у меня нет такого альбома! – густо покраснел доктор.

– Будет! – уверенно заявил Судейкин и повернулся к местному жандарму. – Вы слышали, господин штабс-капитан? Переверните весь город, но через час такой альбом, а лучше два – должен быть у доктора! Хоть самолично с супругой перед фотографом позируйте, милейший! Если не хотите, конечно, провести остаток службы где-нибудь в Тьмутаракани, помощником письмоводителя. Доктор, прямо сейчас пишите главному смотрителю тюрьмы записку. Так, мол, и так: ввиду полученных телеграфом дополнительных указаний должен приступить к освидетельствованию этапирруемых вместе с психиатром доктором... э... Пастером, из Парижа. Фамилию запомнили, любезнейший? Мои медицинские документы тоже должны быть готовы через два часа. С-ступайте, господа!

* * *

Перед началом освидетельствования Судейкин, одетый в белый халат, нацепил круглые синие очки, через которые почти ничего не видел и взлохматил волосы – именно так, по его разумению, должен был выглядеть «профессор психиатрии Пастер» из самого Парижа. Перетасовал стопку статейных списков – дело Ландсберга легло третьим. Поначалу Судейкин хотел с него и начать, однако профессиональная осторожность взяла верх, и полковник решил для начала «набить руку» специальными вопросами на паре других арестантов. Заодно и надзиратели расслабятся, увлекутся альбомами. Да и у доктора Малышева будет время определить – много ли слышно из-за ширмы.

Изрядно помучив первого арестанта вопросами о душевных болезнях всех его родственников, «доктор Пастер» посмотрел на часы и удовлетворенно кивнул: шесть минут. Стало быть, никто не удивится, если на арестанта потратить и больше, минут десять. Не удастся сломать человека за это время – не поможет и час: полковник был реалистом.

– Садитесь, Ландсберг! Ближе, не стесняйтесь! – «профессор» сорвал проклятые очки-заслонки и внимательно оглядел человека перед собой.

Полгода тюрьмы, разумеется, изменили человека. Лицо Ландсберга потеряло юношескую округлость, под глазами цвета стали залегли глубокие тени. Судейкин знал, что после расправы над уголовниками в Литовском замке Ландсбергу еще несколько раз пришлось доказывать арестантскому окружению свою силу, подтверждать авторитет «забуревшего Барина». Иваны теперь почтительно сторонились Ландсберга, глоты наперебой старались услужить, шпанка откровенно заискивала перед ним и боялась Барина. «Это плохо, – подумал Судейкин. – Было бы гораздо лучше, если бы Ландсберг стоял на иерархической арестантской лестнице ниже».

– Ну-с, Ландсберг, не будем терять времени, – вздохнул Судейкин, кладя перед собой на стол часы. – Вы получили записку, но не воспользовались предложением ваших старых друзей...

– Какую записку? Каких друзей, господин хороший? – чуть прищурился арестант.

– Вы меня не узнаете? Понятно. 4 июля, накануне вашего судебного процесса, я навещал вас в Литовском замке, где вы были наказаны карцером за драку с каторжниками. Припоминаете? А Калиостро-Захаренко помните, надеюсь? В этом случае вы не должны были забыть и некоего предложения, сделанного вам в помещении для свиданий. Тогда от вас не требовали немедленного согласия, однако предложения быть готовым к побегу вы не отвергли. Время настало, Ландсберг! Вы колеблетесь? Неужели вам, дворянину из старинного рода, предпочтительнее долгое общение со всем этим арестантским быдлом? Неужели не надоела постоян-

ная необходимость быть начеку с этим человеческим отребьем? Эта вонь, кандалы? Нынче вы вычеркнуты из жизни, Ландсберг! И единственная возможность вернуться в прежнюю жизнь – это то, что я вам предлагаю!

– Возврата к прежнему уже не будет. Это невозможно, господин хороший.

– Ф-фу, вы и говорить уже стали как каторжанин! «Господин хороший»! Называйте меня полковником, Ландсберг. И у нас с вами, повторяю, очень мало времени. Итак – да или нет?

– Я не хочу покупать свободу ценой жизни государя, господин полковник!

– Вы без особых угрызений совести отправили на тот свет Власова с его прислугой. Да и в тюрьме не особо щепетильничаете, насколько я знаю.

– Здесь – другое дело. Убив негодяев, я отомстил за невинно загубленную ими душу, восстановил справедливость.

– Стало быть, здесь вы считаете себя вправе подменять собой высшее правосудие?

– Это мой невольный грех, господин полковник!

– Оставим философские сентенции, Ландсберг! В конце концов, то, что вам предлагают, тоже избавит многих людей от унижений, несчастий, обид. Неужели вы забыли, что оказались здесь по воле того, кто распоряжается чужими судьбами? На чьей совести сотни тысяч жизней – жертв войны, развязанной волею и прихотью этого человека? Вы же сами писали об этом в признании следователю.

– Я не могу принять сего предложения, господин полковник!

– Н-ну, хорошо, хорошо... Но от вас и не требуют немедленных действий! Для начала вам нужно всего лишь согласиться на побег, пока еще не поздно! Все подготовлено, и через несколько часов мы с вами окажемся в салон-вагоне курьерского поезда, который доставит нас в Санкт-Петербург. Вы встретитесь с вашими новыми друзьями, которые гораздо красноречивее и убедительнее меня. Вы сможете снова окунуться в прежнюю жизнь. Решайтесь, Ландсберг! В конце концов, если вы не сможете побороть своих нынешних сентиментальных рассуждений, то уж в тюрьму-то всегда сумеете вернуться! И тогда – как знаете! Ну же, Ландсберг! Вы воочию убедитесь в том, какие высокопоставленные люди рассчитывают на ваш верный взгляд и твердую руку. Новое имя, солидный счет в женевском банке – и весь мир к вашим услугам! Вам же всего двадцать пять лет!

– Вполне достаточно, чтобы отдать себе отчет в том, что, соглашаясь на побег, я беру, как говорят в тюрьме, билет в один конец, господин полковник! И я не настолько глуп, уверяю вас. Неужели вы думаете, что я поверю в то, что меня отпустят на все четыре стороны, если я, сбежав, в конце концов откажусь от предлагаемой мне роли цареубийцы? После того, как увижу ваших высокопоставленных друзей, узнаю, так сказать, всю анатомию заговора? Заметьте, что об ужасах моральной стороны дела, предлагаемого вами столь спокойно, я еще не говорю...

– Ландсберг, ваше время на раздумья истекает! Я не могу уговаривать вас целый день! Подумайте о своей семье, Ландсберг! Друзья, о которых я упоминал, слишком много на вас поставили! И они достаточно влиятельны и могущественны, чтобы наказать вас за вашу глупую строптивость, уверяю! Попробуйте отказаться – и уже через самое малое время до вашего сведения станут доходить известия о несчастьях, обрушившихся на вашу семью. Поверьте, разорить и пустить по миру – не самое страшное, что ждет вашего брата, сестер, вашу матушку. Подумайте о них и о себе, Ландсберг! Каково вам будет жить с мыслями о том, что ваш отказ стал причиной несчастья ваших родных? Да и вы сами, наконец! Здесь, в пересыльной тюрьме, вы – Барин. Вас не трогают уголовники, не обижает администрация... Поверьте: здешние иваны – овечки по сравнению с той отпетой сволочью, которая содержится на Сахалине! Да и островные тюремщики не лучше: за гривенник мать родную на живодерню сведут! Одно мое слово, уж поверьте – и нынешнего Барина там ждет такая жизнь, что вы ежедневно, ежечасно будете молить своего лютеранского Христа о смерти! Впрочем, хватит... Я замолкаю, Ландсберг! Поглядите на часы – у вас ровно одна минута!

Судейкин толчком пододвинул к Ландсбергу свои часы-луковицу и, тяжело дыша, откинулся на спинку стула.

Ландсберг тоже дышал тяжело, не отрывая глаз от секундной стрелки, торопливо бегущей по кругу.

– Ну-с? – Судейкин встал, навис над столом. – Ваше время истекло, Ландсберг!

Тот кивнул, тоже встал, и неожиданно взял обеими руками часы. Лицо его исказилось, и Судейкин поспешно шагнул назад, нащупывая под халатом револьвер.

Но Ландсберг и не думал бросаться на него. Послышался треск стекла, скрежет металла, по столу запрыгали пружинки и шестеренки часового механизма.

– Что ж, вы тоже попомните мои слова, полковник! – Ландсберг бросил на стол согнутый корпус часов, пососал порезанные стеклом и острыми деталями пальцы. – Если я узнаю, что хоть один волос упал с головы моих близких – тогда я действительно сбегу с каторги. И найду сначала вас, полковник, а потом и ваших друзей...

Он встал, вышел из-за ширмы и, сняв шапку, поклонился ошарашенному Судейкину – так, чтобы видели все участники медицинской процедуры освидетельствования.

– Премного вам благодарен, господин профессор... Пастер! Смею ли я надеяться, что состояние моего здоровья и отсутствие в роду душевнобольных позволит мне совершить увлекательную поездку на остров Сахалин?

Не дождавшись ответа, Ландсберг поклонился доктору Малышеву и вышел из смотрового помещения.

Изуродованные часы так и лежали на столе. Судейкин провел ладонью по лицу, зачем-то тронул часы и вздрогнул, когда неожиданно высунувшаяся из погнутого корпуса часов пружина тоненько звякнула...

* * *

Спустя двое суток после секретного и оказавшегося бесполезным визита полковника Судейкина в Псков изуродованные Ландсбергом часы легли на стол бывшего главы III-его Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии Дрентельна, днями получившего назначение о переводе в Киев, в кресло тамошнего генерал-губернатора.

Александр Романович, вопреки ожиданию Судейкина, выслушал его довольно эмоциональный доклад спокойно, даже как-то отрешенно. С наибольшим интересом он отнесся к часам – повертел их в руках, попытался выправить погнутый золотой корпус, и, потерпев неудачу, поднял глаза на Судейкина.

– Что, брат Судейкин, жалко часов-то?

– А то, Александр Романович! Именные, из рук графа Бенкендорфа еще получал на заре своей службы-с. С гравировкой. А этот негодяй одним движением из памятной вещицы хлам сотворил!

– Часы – дело наживное. Старайся! – хмыкнул Киевский генерал-губернатор. – Новые получишь, тоже золотые. А эти, дам тебе совет, не выбрасывай! Мне представляется, что в таком виде часы более памятливы будут. М-да... Что ж, может, оно и к лучшему, что ты без Ландсберга вернулся!

– Что-нибудь случилось, Александр Романович? – прервал затянувшуюся паузу Судейкин.

– Случилось? Нет, пока не случилось, брат Судейкин! Но случится – и весьма скоро! Сижу вот и размышляю второй день – то ли лучше было в свое время форсировать события, то ли Бога благодарить, что сам не поспешил и тебе не дал. Не знаю, право...

– Да что случиться-то должно, Александр Романович?

– Через министра Двора Е.И.В. мне стало известно, что не позднее конца сего месяца государь подпишет ряд важных документов, кои уже давно подготовлены и ждут только высочайшей резолюции. Суть документов такова: Петербургское генерал-губернаторство упраздняется, назначается Высшая исполнительная комиссия с обширнейшими полномочиями.

– А... А вас, Александр Романович, стало быть, в Киев?

– А пока – в члены Государственного совета, чтоб не очень обидно было. Ну и в Киев «задвинут» губернаторствовать. Я ж там служил до турецкой кампании, обстановку хорошо знаю. Так-то, брат Судейкин!

– Ну а кого в диктаторы, Александр Романович? – шепотом, перекрестясь, поинтересовался Судейкин. – Есть, по вашему мнению, кандидат на сию должность?

Дрентельн хмыкнул: он вовсе не собирался пересказывать Судейкину свой последний разговор с Победоносцевым. Старый лис, хотя по своему обыкновению и ходил вокруг да около, ясно дал понять собеседнику, что не забыл его бездействие или промедление в известном вопросе. Намекнул и на грядущие вскорости перемены на российском политическом Олимпе, неудержно расхваливая при этом графа Лорис-Меликова. Из той беседы Дрентельн вынес твердое убеждение, что Победоносцев взял какой-то новый курс, и что он, Дрентельн, упустил возможность проявить себя. Несколько позже, от министра Двора графа Адлерберга, он узнал и о подготовленных документах. Имя председателя Высшей исполнительной комиссии в них уже было проставлено: граф Лорис-Меликов.

Но зачем лишний раз показывать подчиненным свою осведомленность? И Дрентельн решил от ответа уклониться:

– Поживем – увидим, брат Судейкин! А пока, как видишь, я дела сдаю. И подчищаю кой-чего, как водится. И тебе настоятельно рекомендую ревизию произвести...

И зашелестел многочисленными бумагами на столе, всем своим видом показывая, что нынче ему недосуг. Но Судейкин просто так сдаваться не привык! Не замечая занятости вчерашнего начальства, он оперся обеими руками о край стола, наклонился вперед:

– Убрать бы Ландсберга все же надобно, ваше высокопревосходительство. На всякий случай, знаете ли... Вот тогда уж действительно – все концы в воду! И в иносказательном, и в фигуральном смысле. На днях сей Ландсберг вместе с партией ссыльнокаторжных, насколько мне известно, должен быть отправлен пароходом Общества Добровольного флота на остров Сахалин...

– И что с того?

– Поначалу, после его категорического отказа, я планировал посадить пассажиром на «Нижний Новгород», на коем повезут нынешнюю партию арестантов на Сахалин, своего доверенного человечка. Чтобы тот при случае организовал... Ну, скажем так, несчастный случай. Но, поразмыслив, от этой идеи отказался. Рискованно очень, ваше высокопревосходительство! Ну, «шлепнет» он нашего немчика – и, скорее всего, тут же «засветится». С парохода в море не прыгнешь, знаете ли... Попадет в руки следствия. Начнут копать – почему убил? Почему именно Ландсберга? Нет, это не годится. Тут другое требуется! Более радикальное...

– Радикальное? Ты что, Судейкин?! – перестав ворошить бумаги, Александр Романович перешел на хриплый шепот. – Неужто весь пароход мыслишь потопить? Вместе с Ландсбергом?..

– Боже упаси, ваше высокопревосходительство! Дряни на пароходе том собрано, конечно, порядочно – но все одно: грех! Грех! Хотя, конечно, было бы неплохо, откровенно говоря. Нет, у меня другая задумка имеется. Мой одесский агент сообщил вчера депешей, что погрузка арестантов закончится через два-три дня, не раньше. Пароход, опять-таки, хоть и не слишком старенький, однако даже с парусами его машина больше двенадцати узлов не дает. Так что, ежели не медлить, то вполне можно успеть послать моего человечка другим судном на опережение. В Сингапур, скажем – наверняка будет!

– И что в Сингапуре? – усмешливо осведомился Дрентельн. – И как твой человечек до Сингапура доберется раньше «Нижнего Новгорода»? Яхту наймет за твой счет?

– Дороговато выйдет! – усмехнулся Судейкин. – У меня расчетец другой: из Одессы, почитай, каждый день корабли отправляются в Константинополь. И оттуда на восток тоже, в южные моря, как по расписанию. И англичане, и немцы, и французы с турками. Так что, ежели не медлить, то наш человек успеет обогнать «Нижний Новгород».

– Так что в Сингапуре-то должно произойти? – допытывался Дрентельн.

– Имеется у меня, ваше высокопревосходительство, любопытная информация. Живет там, среди прочего народонаселения, один немец российского происхождения. Вернее, с русскими корнями. Немного не в своем уме немец тот, говорят. Ни одного корабля из России не пропускает, особенно с каторжными. Земляков ищет на каждом, гостинцами одаривает. Наши моряки с регулярных рейсов его уж все знают, привыкли. И не опасаются.

– И ты хочешь сказать, что тот немец – тоже твой агент?

– Нет, ваше высокопревосходительство! Мой человечек, прибывши в Сингапур раньше «Нижнего Новгорода», дружбу с тем немцем сведет, и вместе с ним нужный пароход встречать будет. С гостинцами! – Судейкин многозначительно сделал ударение на последнем слове. – И Ландсбергу, как земляку, особый «гостинец» передаст.

– Понимаю, – вздохнул Дрентельн, барабанив пальцами по подлокотнику кресла. – Страшный ты все же человек, Судейкин. Страшный! Впрочем, ты прав – видно, теперь нам нельзя иначе. Что ж... Действуй! Деньги опять, поди, нужны?

– Точно так, ваше высокопревосходительство! Секретные фонды, если изволите помнить, у меня имеются. Но и контроль за ними в свете грядущей ликвидации 3-го Отделения будет, полагаю, учрежден серьезный. Того, что безотчетно смогу взять, боюсь, на сию операцию не хватит.

– Сколько же тебе надобно? – Дрентельн вынул из бюро чековую книжку. – Кстати: раз ты в Пскове не потратился, что-то остаться должно?

– На подготовку к операции много ушло, – отрапортовал Судейкин. – Осталась малость, конечно. Коли желаете, отчетец вам предоставляю, ваше высокопревосходительство!

– С ума спятил, что ли? Какой отчетец? Не надобен он мне, Судейкин!

– Не надо так не надо. Только чеков я никак не приму, ваше высокопревосходительство! – замотал головой Судейкин. – Любая бумажка в нашем деле – это верный след! Нешто так быстро забыли нашу с вами жандармскую осторожность? Тут только наличные-с годятся...

– С собой столько не ношу! – буркнул Дрентельн. – Придется тебе домой ко мне вечером попозже подъехать. Но много не дам, так и знай, полковник! От себя отрываю, понимать должен! А ты, братец, давай-ка, живее собирайся в дорогу. Времени терять нам нельзя!

– Сразу видно человека старой закалки, ваше высокопревосходительство. Нашенской закалки! – похвалил Судейкин. – Ежели у вас дел более в присутствии нынче нету, так, может, сразу, благословясь, и тронемся? Надеюсь, не стесню вас в вашем экипаже?

– А вот сие ни к чему, брат Судейкин! Не надо нам нынче на людях вместе показываться. Не те времена, брат! Человечек-то твой где?

– А внизу, в экипаже дожидается, ваше высокопревосходительство! Я его, знаете ли, на всякий случай сразу из Одессы вызвал, да и сюда прихватил – вдруг пожелаете лично взглянуть? Оценить, так сказать. Личность, кстати говоря, вашему высокопревосходительству небезызвестная! И виделись вы недавно, к-хе...

– И это ни к чему. Судейкин! Совсем ни к чему. Новых душегубов знать не желаю, а помнить старых – тем паче! Уволь, брат! Ступай, мне поработать надо.

* * *

Человек, обратившийся в Константинополе к шкиперу Тако, назвал себя господином Мюллером – собственно, и его бумаги были выправлены на это же имя. Он нашел шкипера Тако в одной из портовых таверн, коротающим время в ожидании окончания погрузки за бутылкой крепкого греческого «озо», смоляной дух которого давал о себе знать с пяти-шести шагов. Наверное, кто-то шепнул господину Мюллеру, что шкипер Тако – тот, кто может помочь ему быстро добраться до Сингапура.

Герр Мюллер остановился возле стола, где сидел Тако, коротко и вопросительно кивнул головой на соседний стул – можно ли присесть? Получив столь же молчаливое согласие, незнакомец подозвал мальчишку-разносчика и спросил у шкипера – чем он может угостить господина капитана? Шкипер отрицательно покачал головой, одновременно указав глазами на «озо». Пью, мол, свое. А вслух предложил изложить дело – если оно у незнакомца, конечно, было.

– Ваше судно направляется через Аден в Сингапур? – спросил незнакомец.

– Да.

– Мне надо попасть туда, шкипер!

– Я не беру пассажиров, – покачал головой киприот. – У меня грузовое судно, и на нем нет кают и всяких удобств. Кроме того, я не люблю посторонних на моей «Клеопатре», уважаемый господин.

– Мне нужно попасть в Сингапур как можно быстрее, – заявил незнакомец. – Я заплачу французским золотом или немецкими марками. И весьма щедро!

Он выложил на своем краю стола два коротеньких столбика французских золотых монет.

Тако едва умел подписываться, но с математикой был дружен с детства. Беглый взгляд на золото – и шкипер понял: отказываться от такой платы просто глупо. А глупцом Тако не был!

– Жить будете в каюте с моим помощником, – заявил шкипер, сгребая монеты. – Кроме того, вы заплатите бакшиш за внеочередной проход Суэцким каналом.

Человек кивнул и выложил на стол еще две монеты:

– Я хочу, чтобы ваш помощник освободил для меня каюту, и перебрался бы куда-нибудь еще. Это возможно, герр шкипер?

Тако подумал, кивнул и забрал последние монеты.

– У вас большой багаж? – поинтересовался он, наливая в стакан «озо» и жестом предлагая незнакомцу.

Тот снова отказался.

– Два чемодана и саквояж. Они тут, в комнате наверху.

– Я рассчитываю выйти в море уже через два-три часа. Сейчас вот допью свою бутылку и пришлю с «Клеопатры» матроса за вашим багажом. Кого он должен спросить?

– Герра Мюллера.

– Мюллера, – повторил шкипер, внимательно глянув на собеседника. Сам он с трудом объяснялся по-немецки, однако чистоту произношения большинства европейским языкам мог определять на слух, безошибочно. Его неожиданный пассажир, назвавшийся расхожей немецкой фамилией, вряд ли на самом деле был немцем. Или был – но очень давно не жил в Германии.

– Надеюсь, ваши бумаги в порядке? Здешняя портовая полиция, конечно, обычно закрывает глаза на многое. Но иногда бывает чертовски придирчивой, герр Мюллер.

– Не стоит беспокоиться, шкипер! – Мюллер поднялся. – С вашего позволения, я сам найду носильщика и немедленно отправлюсь на «Клеопатру». Чтобы обо мне в суете вдруг не позабыли.

– Как угодно! – Тако и не вздумал обижаться на столь явно выраженное недоверие.

Он просидел за бутылкой «озо» еще с полчаса, выкурил две трубки крепкого табаку. Наконец, с сожалением отодвинув пустую бутылку, он поднялся с места и направился к хозяину таверны. Тот не спеша протирал стаканы, каждый раз внимательно и подолгу рассматривая на свет их толстые доньшки. В этот час таверна была почти пустой, и других занятий у хозяина до вечера не предвиделось.

Тако облокотился на стойку и шлепнул по ней серебряной монетой – не из тех, разумеется, что дал ему пассажир с немецкой фамилией. Как и большинство старых моряков, он знал всех портовых кабатчиков от Китая и Австралии до Нового Света. Его тоже знали и узнавали. От Тако не надо было ждать никаких неприятностей, даже когда он сильно «перебирал». И долгов в кабаках он никогда не делал, а если матросу с его шхуны доводилось в драке поломать или разбить что-то в барах или тавернах, то хозяева всегда получали от Тако компенсацию ущерба.

Хозяин таверны, турок неопределенных лет с вислыми густыми усами, скрывающими не только верхнюю, но и нижнюю губу, словно и не заметил монеты. Продолжая неторопливо протирать стакан и не глядя на Тако, он спросил:

– Уходишь в море, Тако?

– Да, пора уже.

– Нашел щедрого пассажира? – столь же равнодушно поинтересовался хозяин.

– Щедрого! – пренебрежительно хмыкнул Тако. – Хотелось бы! Как сказать... Он жил у тебя?

– Два дня.

– Хотелось бы знать побольше о человеке, который будет торчать на моем корабле перед глазами в ближайшие пару недель, – вздохнул Тако и пододвинул серебряную монету ближе к кабатчику.

– Человек как человек! – пожал тот плечами. – Ко мне приходят за выпивкой, и я утоляю людям жажду. Человеку нужна свободная комната? Почему бы и нет, если свободная есть? У людей свои дела, у меня свои. Моих дел мне хватает, в чужие я не лезу... Но глаза у меня все время открытые, Тако! Так же, как и уши! И твой пассажир – очень интересный человек, между прочим!

– Да? И чем же?

– Очень интересный, – повторил кабатчик и впервые глянул на тускло блестящую на обшарпанной стойке монету. – Мне показалось, что он расплатился с тобой не этим серебром, Тако?

– Хм! А у тебя и впрямь хорошие глаза! Но настолько ли интересен мой новый пассажир, чтобы я делился с тобой его французским золотом?

Кабатчик пожал плечами и продолжал заниматься стаканами. Подумав, Тако убрал серебряную монету и заменил ее золотой – но пальца с нее не убрал.

– Так что же интересного в моем пассажире? – спросил он тихо, ибо в это время в таверну зашли, пошатываясь, два каких-то подвыпивших моряка.

Сонное оцепенение хозяина таверны сразу пропало – то ли от вида золотого полуимпериала, то ли от визита новых посетителей. Снабдив последних бутылкой рома и отправив их за дальний столик, хозяин вернулся к Тако.

– У него немецкие бумаги, но прибыл он из России, – вполголоса сообщил он шкиперу. – Когда я спросил, на каком судне он приплыл, он назвал немецкую шхуну, первую попавшуюся, я думаю. Ибо эта шхуна протирает здесь кранцы уже неделю. Что ж, может быть и так – какое мое дело? Но мой мальчишка клянется, что этот Мюллер прибыл из России, причем нелегально. Его привезли сюда одесские контрабандисты, которые постоянно заходят в здешний рыбный порт.

– Мальчишка мог ошибиться, – пожал плечами Тако. – Или просто выдумать.

– Вряд ли. У него тоже хорошие глаза. И много друзей среди такого же портового отребья, которое знает все на свете. Кроме того, другой человек видел в городе этого самого Мюллера. У здания Русской миссии.

– Ну и что? Разве немцу возбраняется пользоваться услугами русских контрабандистов и посещать Русскую миссию в Константинополе? Кстати, в России, я слышал, живет очень много немцев...

– Но моему человечку те самые контрабандисты поклялись, что привезли сюда не немца, а своего соотечественника, который бежал из России по религиозным причинам – его единоверцев там якобы преследуют. И потом, в Русской миссии он встречался не с дипломатами или военными чинами, а с человеком, который представляет здесь русскую тайную полицию. Когда я узнал об этом, я спросил у себя – что за дело может быть у русского с тайной полицией? И я не нашел ответа, Тако!

– Действительно любопытно, – Тако все еще придерживал золотую монету заскорузлым пальцем. – Что-нибудь еще?

– Так, всякая мелочь! – пожал плечами хозяин, словно невзначай пододвигая руку к монете. – Когда мой мальчишка-посыльный случайно уронил на лестнице его чемодан, герр Мюллер выругался на каком-то шипящем языке. Мальчишка запомнил одно слово и повторил его мне. Я думаю, это польский язык. Люди предпочитают ругаться на родном языке, Тако, разве ты не знаешь?

– А ты не знаешь случайно, что у герра Мюллера в его чемоданах? – небрежно поинтересовался Тако.

– Я не роюсь в чемоданах своих постояльцев! – оскорбился хозяин. – Почти никогда не роюсь, – поправился он, шевельнув усами. – Но служанка, которая убирает наверху, случайно заглянула в его багаж, когда герр Мюллер уходил в город. Она хотела перевесить его одежду в шкаф, кажется...

– Что же она увидела?

– Несколько комплектов мундиров различных русских ведомств. И еще английский военный мундир. А кроме того, у него в саквояже несколько револьверов – обычных и с очень длинными стволами. Такие револьверы называют охотничьими. Но на кого герр Мюллер собирается охотиться в Сингапуре, спросил я себя. На крабов? И зачем ему целый ящик со старинной посудой из глины, с множеством черепков, поднятых со дна моря?

– У каждого мужчины в наше беспокойное время может быть оружие, – возразил Тако, задумчиво пощипывая подбородок. – Глиняная посуда? Мне доводилось встречать чудаков, которые повсюду скупали старую посуду и прочие древности. Что же в этом дурного, друг мой? Вот разные мундиры – это действительно интересно... Ладно, прощай, друг!

Тако убрал палец с монеты, и она тут же исчезла со стойки.

Неторопливо шагая к причалу, Тако мурлыкал себе под нос греческую песню о девушке, которая ждет любимого. Пение не мешало ему размышлять о том, что он узнал о своем пассажире, и прикидывать различные варианты дальнейшего развития событий.

Шкипер был весьма осторожен, и вместе с тем склонен к авантюризму. Скупость столь же успешно сочеталась в нем с крайним любопытством. Все эти чувства часто боролись в нем, причем здравый смысл и осторожность не всегда одерживали победу.

Он мог бы выставить таинственного пассажира на берег, а если он потребует вернуть ему плату за проезд... Что ж, портовая стража наверняка заинтересуется этим поляком, прибывшим из России с немецкими бумагами и столь необычным багажом. Значит, скандалить пассажир не будет и уберется со шхуны подобру-поздорову.

А с другой стороны... Этот Мюллер даже не пытался торговаться. Значит, может заплатить еще! Разумеется, это не прибавит ему радости, но какое дело шкиперу до настроения пассажира?

Он, Тако, может сыграть свою партию еще более тонко. Если «герр Мюллер» станет возмущаться, можно и отступить – чтобы вернуться к разговору о доплате уже после выхода в море. То, что у лже-немца было оружие, Тако не смущало: кто предупрежден, тот и вооружен! У шкипера тоже была пара револьверов, а у команды – весьма впечатляющая коллекция ножей. Если пассажир попытается отстаивать свои интересы с оружием в руках – что ж, тогда Тако объявит это бунтом на корабле. Это развяжет ему руки, а море умеет хранить тайны. Вряд ли кто будет искать русского беглеца и устраивать официальное следствие по поводу его исчезновения. Тем более что шкипер и не собирался заносить в судовой журнал имя своего нового пассажира. В своей команде он был тоже уверен.

Ретроспектива-3

Телеграфное сообщение начальник Псковской пересыльной тюрьмы Ерофеев получил под вечер. Перечитав его дважды, он перекрестился и вызвал старшего надзирателя. Ознакомив его с текстом телеграммы, начальник распорядился начать приготовления к отправке этапа, велев, как и было рекомендовано в депеше, до последнего момента держать все в секрете.

Но тюрьма, как известно, секретов не знает, да и не признает. Арестанты почувствовали дух грядущих в их жизни перемен еще во время завтрака: к традиционной каше были добавлены «неположенные» луковица и немного сахара. Кинулись к дежурному надзирателю, многозначительно крутящему усы в дверях.

– Что? Что, господин начальник? Ваш-бродь, не томите! Сегодня, что ли?

– А ну, осади назад, не смерди! Что – «сегодня»? Чего всполошились, варнаки? – строго надзиратель, однако традиционную витиеватую ругань на сей раз не прибавил.

И даже «холодной» не пригрозил! Арестанты многозначительно переглядывались: все признаки скорых перемен были налицо! Тюремное начальство, обычно не скупившееся на ругань, зуботычины и карцер, накануне этапа обычно смирнело, стараясь ничем не спровоцировать напоследок малопредсказуемую массу арестантов. И лук с сахаром! Сахар в тюрьме обычно давали по большим праздникам, лук же, да тем паче ранней весной, и вовсе был невиданной роскошью.

Этап... Этап? Этап! – шелестело и гудело в камерах пересыльной тюрьмы. И хотя надзиратель не сказал про это ни слова, тюрьма вывод для себя сделала!

Занаряженные с утра на мытье полов в канцелярию арестанты едва не побежали выполнять ненавистную обычно работу – тоже без обычной ругани и сетований на судьбину. Тюрьма затаилась, ожидая от них новостей.

И дождалась! Вернувшиеся поломой, державшие сегодня ушки на макушке бдительнее обычного, донесли: в тюрьму вызваны цирюльник, доктор и кузнец. Кашевары получили распоряжение сделать на обед лишнюю закладку для вызванной местной воинской команды. И вообще все в канцелярии тюрьмы «бегали как посоленные» – попадающимся же то и дело арестантам из хозобслуги при этом не грубили. Начальник даже распорядился выпустить из карцеров проштрафившихся накануне бузотеров.

Все было ясно: этап! Сегодня!

Ближе к обеду старосты камер получили распоряжение составить и подать списки немощных и больных, если таковые имеются.

Полковник Жиялков, заразившийся общим настроением, подсел к Ландсбергу. Он давно уже слезно попросил у Карла прощения за свое поведение, и теперь не называл его иначе, как «господин прапорщик», «барон» или «мой юный друг».

Произошло это вскоре после того, как начальник тюрьмы Ерофеев, выполняя данное Ландсбергу слово, исхлопотал у высокого начальства из Главного тюремного управления разрешение на свидание старика с родственниками. Супруга Жиялкова и его племянник, штабс-капитан одного из расквартированных в Северной столице полков, лишь подтвердили старику то, что тюрьма знала и без того: его сын-гимназист пал не от пули жандарма, а от рук своих же «товарищей». Вернее – от руки руководителя революционной тройки боевиков, побоявшегося, что раненый юноша может выдать соратников.

Вскоре после суда над Жияковым-старшим где-то на конспиративной квартире под Петербургом была арестована целая группа боевиков-революционеров. В их числе оказался и тот самый руководитель тройки, известный под кличкой Рябой. Жандармы умели работать с арестованными – тем паче с теми, кто особенным умом не блистал. Рябой оказался как раз из таковых. К тому же после расправы с Жияковым-младшим Рябой не скрывал от товари-

щей сего факта своей «революционной решительности» и убеждал единомышленников в аналогичных случаях поступать так же, как он – то есть оставлять врагам только трупы! Мертвый не выдаст... Словно в насмешку судьбы, товарищи Рябого на допросах подробно рассказали про сию решительность своего лидера.

Получив эту информацию, жандармский следователь наел на Рябого. Тем паче Корпус был заинтересован в том, чтобы смыть со своего мундира незаслуженное в данном случае пятно. Рябого без особых стараний сумели убедить признаться в убийстве гимназиста на следствии и во время суда, а также громогласно, при публике, объявить, что этим убийством террористы рассчитывали добыть сразу двух зайцев. То есть избежать возможной выдачи мальчишкой товарищей и привлечь на сторону революции его отца. Здесь в планах Рябого, правда, вышла небольшая промашка: сраженный горем Жилияков-старший самолично расправился с жандармом, однако в тюрьме выяснилось, что он совершенно не разделял идеи бунтовщиков, и сотрудничать с ними в какой бы то ни было форме отказался.

– Вы только представьте себе, барон! – горячась, рассказывал Жилияков Ландсбергу после состоявшегося примирения. – Явились ко мне сразу после того злосчастного налета, впятером. Двух или трех я в нашем доме раньше видел. И объявляют: сынка-де вашего жандарм подстрелил. Супруга – в обморок, я и сам близок к тому же, растерялся. Не знаю – что делать? Бежать – но куда? А этот, главарь ихний, не нашел другого времени, подлец, чтобы агитацию свою развести. Держитесь, мол, господин полковник! Ваш сын пострадал за народ, за правое дело, им надо гордиться, мол! Я спрашиваю – где тело-то искать? В полиции, по больницам, или как? А он, этот Рябой, который самолично моего Володеньку, как собаку, пристрелил, еще и утешает: крепитесь, г-н Жилияков! Поскольку ваш сын и наш боевой товарищ умер от жандармской пули – мы, мол, им отомстим. Да-с... Понимаете ли, барон – у меня сердце разрывается, жена без чувств на полу лежит – а он свое гнет. Справки насчет тела, мол, наведете в полиции. Да она и сама к вам заявится скоро. Спасите, мол, нас – в память о вашем сыне! Просит дать ему записку к моей прислуге дачной – у меня дачка в Парголово небольшая была. Дайте, говорит, записку, чтобы мы несколько дней там пересидели.

Ландсберг слушал старика со смесью сострадания, брезгливости и негодования. Он понимал: полковнику надо высказаться, излить душу. А Жилияков, вспоминая какие-то малозначительные детали, рассказывал дальше. Совершенно потеряв голову и желая побыстрее отделаться от посетителей, он черкнул распоряжение дачной прислуге принять «господ студентов». Те моментально исчезли, не соизволив даже зайти к жившему по соседству врачу, пригласить того к супруге Жилиякова, хотя и пообещали. Пришлось посылать денщика – сначала к доктору, потом за племянником.

Доктор, приведя немолодую женщину в чувства, дал какие-то успокаивающие капли и старику. Едва оправившись, тот собрался было ехать на розыски тела сына в участок, но жандармы появились в доме сами, как и предсказывали «соратники» сына. Они утверждали, что жандармский офицер только ранил подростка, и на его глазах кто-то из террористов, вернувшись, добил того выстрелом в упор и затем скрылся.

Этому Жилияков, разумеется, не поверил – будучи «вполне подготовлен» визитом террористов. Старого полковника повезли на опознание тела сына, и он, уходя из дома, прихватил свой армейский револьвер.

Дав старику поплакать над телом сына, жандармские чины предложили полковнику отвезти его на квартиру, отложив допрос до утра. Все по-прежнему в один голос утверждали, что раненого Володю застрелил кто-то из террористов, обещали представить свидетелей перестрелки. Но Жилияков-старший потребовал представить ему жандарма, который стрелял в сына – якобы желая самолично убедиться в его невиновности. Поколебавшись, начальство дало Жилиякову такую возможность.

– Понимаете, барон, я ведь поначалу и не думал никого убивать. Просто хотел посмотреть в глаза человеку, который стрелял в моего сына! Покайся он, поведи себя как-то по-другому – вряд ли я поднял бы на представителя власти руку. Христианин, как никак! А тот жандармский офицер, как я теперь понимаю, и сам испуганный случившимся, начал на меня кричать. Стыдить начал! Полковник, мол, дворянин – а кого вырастил?! Бандита и убийцу – это мой-то Володинька бандит и убийца?! Я спрашиваю – видел ли он, что перед ним почти ребенок? А он мне: ребенок с бомбой для меня – террорист! Ну, я и не выдержал. Выхватил револьвер и весь барабан ему в грудь выпустил.

Потом, когда старика схватили и обезоружили, он бился в истерике. Обещал, пока жив, расправляться со всей «жандармской сволочью». Сгоряча и назло «палачам» подписал признание, что разделял революционные убеждения сына и его товарищей.

– И пошло-поехало! – вздохнул Жилияков. – Меня, разумеется, арестовали, посадили в Равелин Петропавловской крепости, к политическим. Те поначалу приняли как родного, начали в «свою веру» обращать. Суд потом... Спасибо, следователь все-таки не поверил в то, что я мог быть «матерым террористом». И в суд он направил свое особое мнение. Но все равно – каторга. Да-с, барон... Вы-то еще молоды, у вас есть шанс выжить и вернуться к нормальной жизни. А мой возраст, увы, говорит в пользу того, что я и помру там!

– Напрасно вы меня утешаете, господин полковник! – грустно улыбался Ландсберг. – С каторги людьми не возвращаются. Это – каинова печать, на всю жизнь – даже если меня не зарежут иваны. Если не засыплет где-нибудь в штольне. Мое существование, увы, бессмысленно! Видите – чтобы выжить здесь, чтобы не сдохнуть под нарами, я пытаюсь стать на одну доску со всякой швалью. И часто думаю – а зачем? Зачем жить?

– Вы молодцы, мой друг, в вашем возрасте жить – это такое естественное желание! Зачем же себя им укорять?

– Между нами, господин полковник, целая пропасть. Вы были правы, между прочим, когда в первый день, узнав меня, отказались подать мне руку. Знаете, господин полковник...

– Называйте меня Сергеем Владимировичем, барон! Сына я называл Володей в честь своего отца.

– Хорошо, господин полковник, как вам будет угодно. Только пропасти между нами это не засыплет. Вы каетесь, что убили невинного человека – но ведь вы сделали это по ошибке, ослепленный гневом. Я тоже, наверное, был ослеплен... Но... месть за сына и денежная, в конечном счете, причина убийства – разве это сравнимо? Да и в тюрьме мне случилось убить и искалечить нескольких людей – вы знали об этом? Нет? Ну так знайте... И что – по-прежнему будете подавать мне руку?!

– Барон, я не верю в то, что ваша душа была черна изначально! Когда-нибудь вы мне расскажете свою историю, раскроете душу и сами убедитесь в том, что ваша трагедия – тоже ошибка! Вот вы раскаиваетесь – значит, заслуживаете прощения уже за это!

– Господин полковник... Сергей Владимирович, простите! У меня есть единственный ответ на вопрос – зачем я живу и стараюсь выжить. Не ради чьего-то прощения. Я хочу наказать себя безысходностью своего бытия. Долгими годами страданий и мучений. Не единовременным раскаянием я хочу искупить свою вину... И еще, господин полковник. У меня будет к вам величайшая просьба. Никогда не возвращайтесь, прошу, к теме и мотивам моего преступления! Не расспрашивайте, не утешайте, не приводите доводы в мое оправдание. Хорошо? Обещайте мне!

– Ну... Ну хорошо, барон. Обещаю...

Старый полковник свое обещание пока сдерживал. Сблизившись с Карлом, он много рассказывал о своем сыне, о супруге, о бывших походах, войнах. Эти темы бесед Ландсберг поддерживал. Но сразу замолкал и уходил в себя, если Жилияков пытался выпросить у него что-нибудь о дотюремной жизни Карла. О его жизни в Петербурге, увлечениях... Со временем

старик усвоил «границы» дозволенного и не нарушал их – что сблизило двух бывших офицеров еще больше.

И вот нынче утром, прослышав про близкий этап, старый полковник в тревоге кинулся к Ландсбергу.

– Мой друг! Вы, конечно, слышали новость насчет отправки этапа в ближайшее время?

– Вся камера об этом с утра только и гудит, Сергей Владимирович! – усмехнулся Ландсберг. – Нужно быть глухим, чтобы не услышать!

– Да, конечно... Но нынче арестантов, говорят, отправляют не пешим ходом в Сибирь. А пароходом, на какой-то остров Сахалин?

– Да, говорят, туда...

– Карл Христофорыч, я ужасно боюсь, что меня по состоянию здоровья могут забраковать. И я не попаду в команду отправляющихся!

– Помилуйте, полковник! – изумился собеседник. – Я не понимаю! Ну и слава Богу, если не попадете! Радоваться надо бы вам, а не бояться, Сергей Владимирович!

– Барон, вот вы смеетесь, а я серьезен как никогда!

– Простите мою веселость, Сергей Владимирович – но почему вы стремитесь на этот проклятый остров? Написали бы прошение – с учетом ваших былых заслуг и в силу преклонных лет вас вполне могут оставить если не в здешней пересылке, так где-нибудь в тихой российской тюрьме. Да так оно, скорее всего, и без прошения выйдет. А там, глядишь, какая-нибудь амнистия – и обнимете вскорости свою дражайшую супругу! К чему вам Сахалин? Н-не понимаю!

– Во-первых, мне не хотелось бы расставаться с вами, мой дорогой друг! – седые усы полковника, сильно отросшие в тюрьме, задрожали. Он отвернулся.

– Спасибо, весьма тронут, но...

– Барон, я имею в виду не только свою личную глубокую привязанность к вам. Да, мне будет трудно и одиноко без вас – но, кроме этого, я весьма рассчитываю на вашу помощь и в другом вопросе, – старик придвинулся к Ландсбергу и оглянулся по сторонам, желая убедиться – что его никто не слышит.

Ландсберг, все еще недоверчиво улыбаясь, тоже оглянулся. Цыкнул мимоходом на мужичка, мастерившего неподалеку подметку для «кота». Тот, недовольно буркнув что-то, все же пересел подальше.

– Я слушаю вас, Сергей Владимирович! Говорите!

– Как вы знаете, после свидания с женой и племянником, штабс-капитаном Сашей Яковлевым, мне дозволена переписка. И я успел договориться с Сашей насчет простейшего шифра, замаскированного в обычном с виду письме. Криптография, знаете ли, наше старинное семейное увлечение. Впрочем, все это пустяки. Так вот: недавно Саша тайно сообщил мне, что Рябой – помните того негодяя, что застрелил Володю? – тоже осужден в каторжные работы. И будет тоже отправлен на остров Сахалин. Теперь вы понимаете, мой юный друг?

– Да, стоило бы догадаться, полковник! Зная ваш характер и подлый поступок Рябого, вашему решению я не удивляюсь, – вздохнул Ландсберг. – Меня удивляет другое. Вы же не знаете наверняка, что Рябой окажется на Сахалине вместе с вами, верно? Поговорите со старыми каторжниками, коли не верите мне – но вся Восточная Сибирь буквально усеяна местами ссылки и для уголовных, и для политических! Например, рудники на Каре. Я слышал, что это место еще похуже Сахалина будет. У вас мало шансов встретить на этом острове своего врага, Сергей Владимирович! Кроме того...

– Погодите, барон! Я согласен: этот негодяй может и не попасть на Сахалин! Но ведь племянник пишет, что имеет на сей счет самые верные сведения. Так что, согласитесь, шансы у меня все же есть! Даже если он будет на Каре – мой друг, все равно на Сахалине я буду ближе к нему, нежели попав в Тобольск или Николаевск...

– Опомнитесь, полковник! Значит, если вы не сыщете Рябого на Сахалине, то сбежите и направитесь на Кару только для того, чтобы посчитаться с этим негодяем? Это же абсурд! Извините, Сергей Владимирович, но вы явно переоцениваете свои возможности! Полагаю, что вы отдадите себе отчет в том, что естественная водная изоляция Сахалинской каторги создает для беглецов дополнительные трудности! Черт возьми, но ведь это не курортное место, где всякого желающего ждет услужливый лодочник или гондольер. И потом – сбежать с одной каторги, чтобы рыскать по другим местам заключения... Опомнитесь, прошу вас!

– Мое решение твердо и обсуждению не подлежит! – сердито ответил Жиляков.

– Допустим, мне не удастся отговорить вас от этой чудовищной «лотереи», полковник. Лотереи, заметьте, где вашим выигрышем будет расплата с Рябым, новая ваша поимка, новый приговор. Вы слышали, что пойманных беглых каторжников приковывают цепями к тачке?

– Я уже сказал: мое решение твердо!

Ландсберг помолчал, с сожалением глядя на старика.

– Хорошо. Пусть ваше решение непоколебимо. Но сначала вам надо попасть в этапную команду – а здесь я вам никак не могу помочь, если вы имеете в виду именно это. Не забывайте, Сергей Владимирович, что Ландсберг – такой же арестант, как и Жиляков. Да, здесь, в камере, мое слово кое-что значит. Но приказать начальнику тюрьмы включить вас в этап я, увы, не в силах!

– Но он глубоко уважает вас, мой юный друг! После того, как вы выручили его, спасли тюрьму от разрушения...

– Мне жаль вас разочаровывать, но единственная «плата» за мои усилия и скромный вклад в спасение здания – это ваше свидание с родными. Господин Ерофеев, выхлопотав по моей просьбе это свидание, счелся со мной. К тому же у него наверняка есть инструкции, приказы, ограничения и тому подобное! Оставьте эти мысли, полковник! Вам остается надеяться только на чудо. И на заключение доктора, который будет отбраковывать больных и немощных...

Однако Жиляков был буквально одержим своей идеей во что бы то ни стало попасть в этапную команду. Ради этого он был готов на все. Придвинувшись поближе, он шепотом поделился с Ландсбергом другим своим безумным планом: дать «на лапу» начальнику тюрьмы.

Как оказалось, во время свидания с супругой та сумела передать Жилякову фамильную ценность – перстень с изумрудом, переходящий в их роду от старшего мужчины к младшему. Жиляков честно признался, что камень в перстне имеет дефект, который сразу увидит любой ювелир. Так что коммерческая цена перстня, несмотря на немалые размеры изумруда, была не слишком велика.

Ландсбергу едва удалось отговорить старика от подобной попытки, из которой все равно бы ничего не вышло: перстень у старика-арестанта просто-напросто конфисковали бы и в самом лучшем случае – вернули бы супруге. Чтобы удержать Жилякова от новых фантастических прожектов, Ландсбергу пришлось пообещать ему подумать над способом непременно попасть в сахалинский этап.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.